

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 5/6 (337/338)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора в ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Caehot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Принем по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

23 Марта 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Демократизация по-сталински.
И. Греков. Завоевание советского аппарата.
А. Югов. Вокруг нового устава колхозов.
С. Шварц. О хлебе насущном.
П. Гарви. Чернила и кровь.
Литература и жизнь: В. Александрова. «Нелады с действительностью».
Партийная трибуна: П. Гарви. «Вершины демократии» или плебисцитарная диктатура?
Заграницей: Национальный Совет Французской Партии и един-

Фельетон: Ф. Дан. Война

ство действий. — «Рабочий План» и перспективы бельгийского рабочего класса. — Латвия. — Эмма Адлер (некролог).

По России: Аресты коммунистических оппозиционеров и социалдемократов-меньшевиков. — Под знаком политики. — «Особая бдительность». — Недоверие к реформам. — Пряник и плетка. — Уступки трудящимся и чистка партийного и советского аппаратов. — Проверка ударников. — Интерес к Европе. — Подготовка красноармейцев.

Из партии: К поездке тов. Абрамовича в Америку.
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

и Советский Союз.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПО-СТАЛИНСКИ

Оргия кровавых, якобы-судебных расправ с попавшими под руку действительными или мнимыми контр-революционерами, которою диктатура ответила на убийство Кирова, как будто приостановилась. Отвержение, вызванное этою вспышкой террористического варварства в широчайших кругах и коммунистически настроенных рабочих, как Советского Союза, так и Европы и Америки, повидимому, не осталось без влияния, остановило руку палача. Но за то с тем большею настойчивостью и систематичностью снова пущена в ход машина «сухого» террора, действующая бесшумно — снятием с постов, лишением заработка, обречением на голодную смерть, ссылкой, арестами, создающая бесчисленные человеческие драмы и трагедии, тихие и мало заметные для внешнего мира, но от того не менее тяжелые для тех, кому на долю выпадает роль жертв провозглашенного ныне очередного лозунга «особой бдительности», так напоминающего доброе, старое «слово и дело».

Но не будем говорить о человеческих страданиях. Кому это, в сущности, интересно и кого еще может это тронуть в мире, вот уже свыше двух десятилетий насыщенном запахом кровавых испарений, хрустом костей, дробимых то на «поле брани», то в застенках различных диктатур, стоном десятков миллионов, которым общество, задыхающееся от избыточности производимых богатств, все-же отказывает в месте на жизненном пиру? Оставим в стороне гуманность и будем говорить лишь о политическом смысле той терро-

ристической «тихой сапы», которую диктатура, на девятнадцатом году революции, снова пускает в ход для выкорчевывания всех «подозрительных» элементов.

Этот поход на подозрительных развернут со всей силой немедленно по провозглашении принципов прямого, равного, тайного голосования и советского парламентаризма, воплощение которых в жизнь должно увенчать здание советской демократии и сделать ее «самой совершенной в мире». Он стоит в прямой связи с провозглашением этих принципов, более того, как это ни парадоксально звучит, свидетельствует о том, что демократическая реформа — демократическая, разумеется, по-сталински — задумана и впрямь «в серьез и надолго». В силу соображений, о которых уже не раз говорилось на страницах нашего органа, диктатура, повидимому, намерена действительно ввести в обиход советского государственного аппарата известные внешние формы «формального» демократизма. И потому-то она заранее, когда самая реформа еще только провозглашена «в принципе» и лишена конкретных очертаний, уже принимает меры к тому, чтобы демократическая форма ни в коем случае не могла наполниться демократическим содержанием. Сталинская комиссия только еще приступает к работе, а недремлющий меч диктатуры уже в спешном порядке ликвидирует и истребляет все группки и всех лиц, которые могли бы сыграть роль кристаллов политического сплочения и центров оформления политического недовольства и политической

активности в условиях равных, прямых и, особенно, тайных выборов.

Обещанная демократизация еще не введена. Ее осуществление еще дело будущего и, быть может, не слишком близкого будущего. Но уже начинается во-всю подготовка к ее «плебисцитарной» фальсификации, при которой и «тайный» избиратель может лишь голосовать за правительственную программу и правительственного кандидата, либо, не без риска для себя, самоустраниться, но ни в каком случае не может выразить свою действительную политическую мысль и политическую волю. В этом именно и заключается то «страшное», по справедливому замечанию одного из наших московских корреспондентов, значение, которое может иметь пущенная ныне в ход практика «сухого» террора для всего будущего советской страны. И этим определяются и те главные направления, по которым идет сейчас террористическая репрессия, обрушивающаяся, прежде всего на все остатки и разновидности коммунистической оппозиции, с одной стороны, старых, известных широким кругам рабочих, но наперечет известных и ГПУ социал-демократов-меньшевиков, с другой, т. е. как раз на те элементы, которые, при наличии процедуры, хотя сколько-нибудь напоминающей подлинные выборы, могли бы содействовать политическому сплочению трудящихся масс и превращению формальности подачи избирательного бюллетеня в акт действительного политического творчества и политического волеизъявления их.

Облава на угнездившихся в порах советского и партийного аппарата коммунистических оппозиционеров — если забыть об ее трагическом политическом и личном смысле — носит поистине высоко-комический характер. Философские лекции, ученые трактаты, экономические исследования, кадры старых советских фильмов и выставки, посвященные истории революции, — все привлекается к делу, чтобы накрыть и разоблачить неистребленные остатки коммунистически-оппозиционной крамолы. Самому Бухарину «Правда» (11-III) грозно напомнила его прошлые оппозиционные грехи по тому случаю, что он пытался как-то оправдываться в совершении ужаснейшего преступления — помещении в одной из статей редактируемых им «Известий» цитаты, приписанной Ленину (и, кстати, в качестве таковой обошедшей еще до того целый ряд большевистских газет и попавшей даже в циркуляр самого Наркомпроса Бубнова! — См. «Пр.» от 1-го марта), а на деле принадлежавшей — подумать только! — Троцкому. Но, несмотря на мелочный до смешного розыск коммунистически-оппозиционной крамолы, становится совершенно ясно, почему диктатура вынуждена мобилизовать всех своих ищек на это дело, когда читаешь, напр., такие признания Постышева в его речи «О некоторых задачах марксистско-ленинского образования» на пленуме Киевского горпарткомма 22 февраля («Пр.», 5 марта):

Поймите положение иного политически малограмотного члена партии или комсомольца. Он знает, что в капиталистических странах, в условиях буржуазной демократии, лозунг прямого, равного и тайного голосования служит орудием обмана и закабаления трудящихся масс, потому что в условиях буржуазного государства эти лозунги являются лишь ширмой для прикрытия господства буржуазии. А сейчас в нашей рабоче-крестьянской стране, в стране диктатуры пролетариата, в стране доподлинной демократии для рабочих и крестьян, прямое, равное, закрытое голосование становится важнейшим принципом советской демократии.

И вот у этого малограмотного коммуниста или комсомольца возникает в связи с этим целый ряд вопросов... А ведь он должен суметь ответить на эти вопросы не только себе, но и разъяснить их десяткам и сотням беспартийных рабочих, с которыми он общается в цехе и во внерабочее время.

Положим, сам высокограмотный Постышев тут немало напутал. Никогда коммунисты не выступали про-

тив лозунга прямого, равного, тайного голосования в капиталистических странах; наоборот, в этих странах они всегда требовали и требуют и такого голосования, и всяческих свобод (слова, печати, собраний и организаций). Именно для условий «советской демократии» было сначала, после первых по-октябрьских покушений на свободу печати и пр., пояснено, что всякие ограничения свободы имеют лишь временный и даже кратковременный характер, а затем наспех построена теория, что «стране пролетарской диктатуры» всякие «формальные» свободы вообще ненужны и даже вредны, а особенно ненужна и вредна тайна голосования. Какой адский шум был поднят, хотя бы когда Троцкий — очень скоро, впрочем, сам испугавшийся своей храбрости! — попробовал предложить тайну голосования, да и то сначала только для партийных собраний!

Важны, однако, не эти неверные указания Постышева, свидетельствующие, конечно, не об его действительной неосведомленности, а об его несомненной недобросовестности. Важно его правильное указание на то, что крутой, хотя бы пока и словесный только, поворот диктатуры к лозунгам демократии должен неминуемо породить сильнейшее смущение в рядах коммунистов и комсомольцев и вызвать у них ряд вопросов. Но еще больше вопросов должен вызвать он у тех «беспартийных» рабочих масс, которым коммунисты должны нести новые лозунги. С коммунистами и комсомольцами налеются справиться так называемым «марксистско-ленинским», а на деле сталинским «воспитанием», о котором теперь на все лады изо дня в день грубит советская печать и которое сводится к попытке все сомнения, все недоумения, все умственные запросы затопить в груде попугайски заучиваемых и повторяемых обязательных фраз из последней словесной продукции «гениального вождя». Можно сомневаться, удастся ли эта операция и применительно к хорошо муштрованным коммунистам и комсомольцам. Но она наверное не удастся по отношению к несвязанным партийным катехизисом и партийною муштрою беспартийным рабочим массам. Не удастся потому, что, если для кое-каких коммунистов и комсомольцев, прошедших хорошую школу умственной и моральной «сгибамости», весь вопрос будет сводиться к тому, как «разъяснить» неразъяснимое рабочим массам, то для самих этих масс, в силу жизненного положения и жизненных интересов их, вопрос будет заключаться вовсе не в том, как понять и объяснить ту «логику противоречий», которая лежит в основе поворота диктатуры к демократии, а как использовать этот поворот для своей собственной экономической, социальной и политической самозащиты. Не логическое любопытство, а насущнейшие политические интересы трудящихся масс будут звучать в тех «вопросах», которые они будут ставить диктатуре по случаю ее поворота к «демократии».

Но на эти именно вопросы советский пролетариат не должен получить ответа. И отсюда именно — та новая волна диких преследований, которая вновь обрушивается на наших товарищей, лишь недавно вышедших из тюрьмы и зачастую еще не успевших выйти из ссылки. И эти преследования — не случайный эпизод. И они входят в ту систему мероприятий, которою сталинская диктатура встречает новый, «политический» этап развития русской революции и которою она хочет парировать опасности, вытекающие для ее всевластия из вынужденного перехода к внешне-демократизированным формам господства. Достаточно вспомнить о помещенной в № 1 «С. В.» за этот год подробной беседе одного из наших корреспондентов со старым большевиком. Уже тогда хорошо осведомленный собеседник нашего корреспондента указал, что в предвиде-

нии «возрождения меньшевистской контр - революционной гидры» началась, по предписанию свыше, «усиленная подготовка агитаторов» по борьбе с меньшевизмом, ради чего «в коммунистических школах, университетах и ученых учреждениях вновь взялись за усиленное изучение меньшевистской истории и политики меньшевиков за весь период революции и в настоящее время». Работа этих «агитаторов», подвергаемых «марксистско-ленинскому воспитанию», заранее и облегчается сплошным усекновением голов меньшевистской «гидры».

И подготовкой специальных агитаторов, и новой волной преследований сталинская диктатура сама выставляет почетное свидетельство той исторической роли, которую всегда играла и которую еще призвана будет сыграть русская социалдемократия. Этими актами дик-

татура заявляет, что и сама она ни на минуту не сомневается в том, что первые же признаки того политического пробуждения, толчок к которому не может не дать хотя бы и чисто внешняя демократизация советского режима, заставят советский рабочий класс снова вернуться к социалдемократии и ее идеям. Ибо в этих идеях и только в них рабочий класс найдет верное отражение своих и текущих, и конечных интересов в условиях подведения политических итогов грандиозной революции. Сатлинская диктатура может измучить и истерзать известных ей носителей этих идей. Сами идеи она не убьет. Их неистребимая жизненная сила в том, что они неизбежно рождаются из недр самого рабочего класса. И в этом — залог их конечной победы.

ЗАВОЕВАНИЕ СОВЕТСКОГО АППАРАТА

Назначение Л. Кагановича на пост Наркомпути было истолковано почти всей заграничной и эмигрантской печатью, как снятие его с партийной работы и перевод на советскую и потому — как своего рода «разжалование», симптом впадения в немилость у всемогущего диктатора Советского Союза. Толкование — совершенно ошибочное. Каганович, действительно, «освобожден» от обязанностей председателя Комиссии Партийного Контроля при ЦК и секретаря Московского областного комитета ВКП. Но он остался не только членом Политбюро, но, что гораздо существеннее, секретарем ЦК, заведующим его «орготделом», т. е. тем самым отделом, в котором сосредоточены все назначения и передвижения членов партии — те рычаги, которые дают Сталину бесконтрольную власть над партией и, че-

рез партию, над всем военным, полицейским, административным и хозяйственным аппаратом страны. Каганович остался «правой рукой» диктатора. О немилости пока не может быть и речи. И, чтобы подчеркнуть это, тот самый номер «Правды», в котором помещен декрет о назначении Кагановича Наркомом пути (1-го марта), украшен поистине умильной фотографией, изображающей ласково, как голубки, улыбающихся друг другу — Сталина и Кагановича.

Весьма возможно, конечно, что — в порядке придворных и бюрократических интриг — с возложением на вторую персону в государстве задачи «сделать транспорт крепостью социализма» («Правда») кое-кто и связывает надежды подкопаться под эту персону и, в конце концов, скovyрнуть ее, чтобы самому занять

ВОЙНА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

1.

Шестнадцать с половиной лет после окончания «последней» мировой войны, военная опасность снова более велика, чем когда либо. Никакое заблуждение на этот счет невозможно. Скачка вооружений уже идет во-всю. Все более лихорадочной становится работа дипломатов над заключением всяких договоров, пактов, соглашений, союзов, которые, разумеется, все служат делу охраны мира, открыты для присоединения всем державам, зарегистрированы, как полагается, в секретариате Лиги Наций, но параллельно с которыми идут бесшумные, никем не контролируемые и никем не регистрируемые, но тем более важные и решающие сговоры генеральных штабов. Да и сама Лига Наций, в которой все важнейшие переговоры ведутся и все важнейшие сделки заключаются вне официальных и публичных заседаний, — «с краю», как выражаются французы, — начинает все больше походить скорее на генеральный штаб одной из будущих военных коалиций, чем на тот торжественный храм, в котором мирно и гармонично разрешаются все международные противоречия и тяжбы, как о том мечтал некогда честный-идеалистский буржуазный пацифизм.

Два главных очага военной опасности имеются в современном мире. Один — в тех странах Европы, которые толчками напряженных почти до взрыва внутренних и внешне-политических антагонизмов были загнаны в клещи фашистских и полу-фашистских режимов, по своему происхождению и по своей природе неустойчивых, авантюристских и агрессивных. Из них главным

врагом мира является в данный момент гитлеровская Германия, хотя наглый наскок Италии на Абиссинию еще раз напоминает о том, что не только Германия способна поднести зажженный фитиль к той пороховой бочке, на которой покоится сейчас «мир всего мира». Другой главный очаг военной опасности тлеет на Тихом океане, где его особенно усиленно раздувает японский империализм. Оба эти очага сообщаются между собою явными и потайными ходами. Где бы не вспыхнуло пламя войны, оно грозит зажечь мировой пожар. И где бы ни загорелся огонь, на востоке или на западе, его языки охватят со всей силой, прежде всего, Советский Союз.

Советский Союз находится в фокусе всех военных опасностей. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы протянуть между ним и всем мировым пролетариатом нити неразрывной солидарности. Ибо, наряду с Советским Союзом, именно интересам трудящихся масс всего мира наиболее угрожает всякая будущая война. Не только в том смысле, что и в этой войне, как во всех предыдущих, им придется нести наибольшие жертвы кровью и достоянием, но еще и в том, что всякая будущая война грозит потопить в фашистском варварстве все их надежды на освобождение. Начнется ли война под знаком борьбы различных империализмов или во имя самозащиты демократии от наступающего фашизма, — и в том, и в другом случае, в силу динамики, свойственной эпохе капиталистического упадка, она неизбежно перейдет в кровавый бой между фашизмом, как знаменосцем капиталистической буржуазии, с од-

завидное место «правой руки». Транспорт, как известно, с самого начала революции был наиболее «узким местом»; транспорт за последние годы не только неслыханно отстал от общих темпов хозяйственного строительства, но именно в силу этого строительства подвергся ускоренному износу и разрушению; для того, чтобы привести транспорт хоть в некоторое соответствие с гигантскими возрастающими требованиями товарных и пассажирских перевозок, одной «энергии» мало, нужны еще колоссальные ассигновки и, вероятно, весьма существенная перегруппировка металлургии в смысле перенесения значительной доли ее производительных сил с производства военного снабжения, с одной стороны, промышленного и сельско-хозяйственного оборудования, с другой, на производство локомотивов, вагонов, рельс, шпал и т. д. — всего, до зарезу необходимого даже для предотвращения паралича транспорта, а тем паче для его быстрого и гигантского роста. Позволят ли внешние и внутренние условия создать в кратчайший срок эти «объективные» предпосылки оздоровления и возрождения транспорта, без которых никакая энергия, даже подкрепляемая систематическим расстрелом железнодорожников, якобы повинных в многочисленных крушениях, делу существенно не поможет, — покажет будущее. Но известно, что, именно вследствие отсутствия этих предпосылок, в свое время обломали себе зубы на транспорте и Троцкий, и Дзержинский, которых, в чем, в чем, но в недостатке энергии упрекнуть никак нельзя было. Естественно поэтому, если кое у кого шевелится тайная надежда, что на транспорте сломит себе шею и великий Каганович.

Но так дело может представляться лишь с точки зрения тех придворных и бюрократических интриг, которые, в сущности, никому кроме их непосредственных участников неинтересны. В политическом же разрезе назначение Кагановича является, наоборот, свидетель-

ством величайшего доверия, оказываемого ему диктатором. Ибо нельзя отделаться от впечатления, что назначение это является как бы звеном в целой цепи мероприятий, свидетельствующих о намерении Сталина взять непосредственно в руки свои и своих наиболее верных оруженосцев ряд важнейших рычагов советского аппарата. Сталин, конечно, и до сих пор господствовал над этим аппаратом, но господствовал косвенно, через посредство аппарата партийного. Симптомы его не полной удовлетворенности такою косвенною формою господства над советским, т. е. государственным аппаратом проявлялись уже давно: за последние годы стало правилом, что все важнейшие государственные декреты имели две подписи — предусмотренную советской конституцией подпись председателя Совнаркома, Молотова и никакой конституцией не предусмотренную подпись генерального секретаря ВКП, Сталина. Но в феврале-марте был сделан в том же направлении ряд шагов, еще более недвусмысленных и имеющих формально гораздо более определенный характер.

Прежде всего сам Сталин — впервые после занятия им поста генерального секретаря партии — вступает на высоты и советского Олимпа. Он становится членом президиума ЦИК'а и председателем той конституционной комиссии, которая должна явить миру образец полнотной, совершенной, советской демократии, основанной на всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании и получающей свое выражение в сети «советских парламентов». Свидетельством непосредственно - государственной активности генсека служит и тот факт, что под его председательством работала комиссия, выработавшая новый колхозный устав. А в этом свете определенный характер приобретает и вхождение в советскую иерархию ближайшего сотрудника диктатора — Кагановича, не только занимающего пост Наркомпути, но становящегося членом и Совета Труда и Обо-

ной стороны, социализмом, как представителем трудящихся масс, с другой. Но в ходе этого боя капиталистические классы всех воюющих стран будут «фашизироваться», все они, победители и побежденные, еще в большей степени объединятся в новый «Священный Союз» для разгрома пролетарской революции, чем это уже имело место на исходе последней мировой войны, когда лишь благодаря экономическому, политическому и военному давлению буржуазии стран-победительниц было оборвано развитие рабочей революции в странах побежденных — Германии, Австрии, Венгрии. И эту задачу разгрома социализма объединенные господствующие классы капиталистического мира смогут выполнить с успехом, если в их руках останется и им будет послушен весь колоссальный силовой аппарат современной войны. Этим социально-политическим своеобразием положения и должна определяться новая позиция социализма в будущей войне, отличная от позиции, которая диктовалась ему условиями и характером войны прошлой.

По-прежнему, разумеется, социалистический пролетариат должен будет до последней крайности защищать мир, хотя бы и худой мир. Но, если фашистское наступление навяжет ему войну, он не сможет уже относиться к ней ни пассивно, ни, тем менее, «пораженчески». Не только в случае нападения Гитлера на Советский Союз, но и в случае нападения его на любую демократическую страну, пролетарии Англии, Франции, Бельгии, Чехословакии, Дании и т. д. не могли бы смотреть, скрестив руки, как он сокрушает одну страну за другою, и, еще того менее могли бы желать «поражения своего собственного отечества, как наименьшего зла»: это значило бы, ведь, собственными руками раскрывать ворота смертельному врагу рабочего класса. Поэтому

рабочий класс будет вынужден активно обороняться против фашистского нападения. Но в то же время он должен будет ни на минуту не забывать, что действительная исторически - революционная задача будущей войны состоит не в сокрушении фашизма, как представителя одного из воюющих «отечеств», а в сокрушении его, как последней, насильственной формы господства капиталистической буржуазии. Он должен будет поэтому сказать себе, что сама эта буржуазия ни в коем случае не сможет и не захочет вести войну успешно в смысле разрешения этой задачи ее, что лишь сам рабочий класс сможет довести такую войну до социалистически - революционного «победного конца». Чтобы такая война против фашизма была действительно доведена до победы, рабочему классу придется напрочь все свои силы, чтобы взять ведение войны, т. е. государственную власть, в свои руки, если не при самом объявлении войны, то хотя бы в ее ходе. И техника современной войны, переносящая ее центр тяжести из окопов внутрь страны, в ее промышленные центры, создает для этой борьбы рабочего класса за власть в ходе войны совершенно иные предпосылки, чем то было во время прежних войн*).

Но не ослабит ли пролетарская революция в ходе войны как раз те страны, в которых рабочий класс еще силен и хорошо организован, и не выдест ли она их таким образом с головою наступающему фашизму, который держат свои трудящиеся массы в железных тисках? Совершенно неосновательное опасение!

*) Подробнее я уже останавливался на вопросах связанных с позицией социалистического пролетариата в грядущей войне, в статьях «Борьба за мир» («С. В.», № 14 за 1931 г.) и «Фашизм, война, революция» («С. В.», № № 1 и 2 за 1934 год).

роны. Трудно сказать, насколько в эту систему завоевания советского аппарата Сталиным и его ближайшими подручными по КЦ входят другие перемещения советских сановников, имевшие место за последнее время, в частности снятие Енукидзе с поста секретаря ЦИК'а, который он занимал чуть не с сотворения советского мира, и превращение его в Наместника Кавказа. Но наличие самой «линии» на овладение и советским аппаратом кажется несомненным.

Чем же эта линия вызывается? Давно уже ходили слухи о некотором недоверии, которое начало вызывать в Сталине то специальное «окружение», которое естественно создавалось по советской линии вокруг возглавляющего советский аппарат Молотова. Конечно, партия, в лице генсека, всемогуща и по отношению к этому аппарату. Но она может определять общую линию его деятельности, назначать его вершущую, вмешиваться в чрезвычайных случаях в его работу. Но все же изо дня в день советский аппарат живет своею собственной жизнью, создает свои собственные узы солидарности и точки соприкосновения интересов, порождает свои собственные группировки, естественно тяготеющие к той вершущей, которая советский аппарат, в отличие от партийного, возглавляет. Этот водораздел между двумя аппаратами, в своей совокупности и своем взаимодействии осуществляющими персонально заостренную диктатуру, имел, самое большое, лишь ведомственное и личное значение, пока вся деятельность диктатуры почти целиком поглощалась хозяйственными заботами. Он может приобрести политическое значение в период, когда, на почве всех хозяйственных достижений, со всею силою снова встает вопрос о подведении политических итогов всей пережитой полосу «генеральной линии», и когда «окопавшиеся» в советском аппарате элементы могут, до известной степени, оказаться помехой для проведения планов, наме-

Контора «Соц. Вестника» просит лиц, имеющих лишние № № журнала «Соц. Вестник» за годы 1921-1932, предоставить их в распоряжение конторы бесплатно или же за небольшую плату. Расходы по пересылке будут оплачены конторой.

чаемых в аппарате партийном. Дуализм, на котором построена была до сих пор вся система диктатуры, должен быть преодолен, если не формально, то хоть персонально, и Сталину приходится выходить из того партийного уединения, в котором он скромно пребывал до сих пор, как не имеющий никаких государственных чинов генеральный секретарь партии.

В этом именно симптоматическое значение и вхождение в президиум ЦИК'а самого Сталина, и назначения Кагановича. Если и верно сообщение некоторых иностранных газет, что передача транспорта в ведение ближайшего сотрудника Сталина идет навстречу советам кое-каких возможных «союзников», указавших советскому правительству, что плачевное состояние транспорта сводит на нет военный «потенциал» Советского Союза, то это имеет значение лишь для понимания, почему именно этот пост занят в государственном аппарате «правой рукой» диктатора. Но самое стремление партийной верхушки занять позиции и в аппарате государства является лишним доказательством, что советская страна действительно вступает в новый период, когда вопросы политики будут приобретать все большее значение и когда изгнанная было со сцены политическая борьба снова, несмотря на разгром всех оппозиций, займет принадлежащее ей по праву место.

И. Греков.

Говоря о связи между революцией и военным поразением, можно, прежде всего, констатировать факт, что послевоенные революции в России, Германии, Австрии, Венгрии произошли на почве уже понесенного поражения. Можно признать несомненным, что все революции, вспыхивающие на развалинах войны, с самого начала носят в себе семена своих будущих экономических и социально-политических затруднений и опасностей. Но решительно ни на чем не основано утверждение, будто всякая революция, вспыхивающая в ходе войны, фатально парализует силу военной сопротивляемости данной страны и тем осуждает ее на поражение. Исторический опыт говорит как раз обратное. Он говорит о том, что революция, совершаемая в ходе войны классом-носителем исторического прогресса, именно для того, чтобы превратить навязанную ему войну в революционное орудие этого прогресса, — до сих пор всегда удесятерила сопротивляемость этого класса и его шансы на победу. Таковы были, напр., последствия анти-жирондистской, якобинской революции во Франции 18 века. И то же самое показала большевистская революция 20 века, которой удалось, несмотря на крайне неблагоприятную внешнюю обстановку, разбить наголову армии белой контр-революции и победоносно отразить военную интервенцию соединенных империалистских держав.

Но, если фашизм, в указанном выше и исторически решающем смысле, может быть побежден в войне лишь пролетарской революцией, то к солидарности мирового пролетариата с Советским Союзом в охране мира, присоединяется еще более мощная революционная солидарность в грозившей будущей войне. Если дело действительно дойдет до войны, то жизненные интересы мирового пролетариата требуют сохранения Советско-

го Союза в качестве революционного союзника его в этой грядущей войне и в качестве надежного опорного пункта его собственной революции. Разгром Советского Союза фашизмом и империализмом, но не менее того и победа внутренней контр-революции неизбежно нанесли бы всему мировому социалистическому рабочему движению тягчайший, быть может, смертельный удар.

Под этим углом зрения только и может быть выработано отношение международного социализма к проблеме: «Советский Союз в грядущей войне». И в этом свете первостепенную важность приобретает вопрос, насколько политика самого советского правительства содействует сохранению Советского Союза в качестве революционного фактора и в борьбе за мир, и в ходе возможной войны.

2.

За последние два года внешняя политика советского правительства претерпела, как известно, крутое изменение. Со времени Рапалльского договора (1922) внешняя политика советского правительства была ориентирована, главным образом, на теснейшее сотрудничество с Германией, да и вообще со странами, добивавшимися пересмотра продиктованных победителями мирных трактатов. В после-военном мире эти «ненасыщенные» страны представляли собою динамический, движущий элемент. Конечно, пересмотр трактатов, которого они добивались, понимался ими в буржуазно-националистическом смысле. Со своей стороны, советское правительство пыталось толковать его, хотя и в революционном, но в утопически и воинственно-революционном смысле. В этой комбинации национализма с рево-

ВОКРУГ НОВОГО УСТАВА КОЛХОЗОВ

Сейчас во всех колхозах обсуждается примерный устав колхоза, принятый только что закончившимся вторым съездом колхозников-ударников. В течение ближайших трех месяцев примерный устав должен быть обсужден на местах, и все вновь принятые дополнения и изменения должны быть представлены на утверждение районных земельных органов.

Корреспонденты в советских газетах передают, что обсуждение устава протекает весьма оживленно. С точки зрения агитационной это была очень удачная идея: переработать устав колхоза таким образом, чтобы он сделался основной грамотой каждого колхозника, охватывающей весь круг его прав и обязанностей.

Основное настроение, которым проникнут новый устав колхозной артели, это сознание необходимости внести в функционирование колхоза устойчивый порядок и твердую законность. После долгих лет произвола и резких зигзагов в деятельности колхоза вполне назрела потребность твердо знать заранее, каковы обязанности колхоза и на что он имеет право. В высшей степени характерно, что и у колхозников-ударников и у рядовых колхозников явно выражена потребность иметь «ясную бумагу». Согласно единодушному желанию колхозников-ударников на съезде постановлено, что каждый колхоз получает от районных советов государственный акт, в котором будут установлены размер и точные границы земли, находящейся в пользовании данного колхоза. Традиционное, почти мистическое уважение крестьян к писанному закону особенно ярко отразилось при обсуждении пункта о земле каждого колхоза. В проекте было сказано: «земля закрепляется за артелью в бес-

срочное пользование», первые же ораторы-колхозники ходатайствовали, чтобы к этим словам было добавлено: «т. е. навечно». И когда эта просьба была, по предложению самого Сталина, удовлетворена, то все колхозники-ударники пришли в неописуемый восторг.

Объясняется этот восторг раньше всего тем, что даже у колхозников-ударников еще не атрофирована старая мечта единоличного крестьянина о получении земли-кормилицы в вечное пользование. И хотя сейчас «навечно» земля передается колхозу, а не отдельному крестьянину, но и здесь проявилась радость человека, кормящегося от земли. Некоторую роль сыграло и то обстоятельство, что новая крепкая формулировка пункта о колхозной земле ослабляет живущий в душе многих колхозников страх перед тем, что вернутся из ссылки еще выжившие раскулаченные и потребуют обратно свою землю.

Но главное в том, что после принятия этого пункта устава руководители колхоза надеются на то, что прекратятся столь частые до сих пор переделы колхозной земли, что прекратится ежегодная борьба за пашни и луга между соседними колхозами, совхозами и коопхозами.

И в этом пункте нашло свое выражение стремление к устойчивости, к закрепленному порядку. Поскольку целесообразно осуществление культурных форм сельского хозяйства (многопольный севооборот, удобрения, мелиорация, садоразведение и пр.) возможно и рентабельно только при устойчивом и длительном землепользовании, постольку надо признать, что принятое съездом решение сыграет и экономически положительную роль.

люционным утопизмом и заключался военно-опасный элемент ревизионистского блока. Отход советского правительства от этой военно-ревизионистской политики начался с переходом к грандиозному хозяйственному строительству «генеральной линии», которое требовало, прежде всего, времени и спокойствия, а потому мира. Идеологически отход этот обосновывался признанием «относительной стабилизации» капиталистического мира и потому отодвиганием «мировой революции» в ее прежнем понимании в более или менее отдаленное будущее, теориями о «построении социализма в одной стране» и длительном «существовании» этой страны с капиталистическим окружением. С приходом Гитлера к власти постепенный отход с прежних позиций превратился в крутой поворот.

Этот поворот сразу ввинул Советский Союз в круг «насыщенных» держав, «анти-ревизионизм» и пацифизм которых так же ограничены и националистичны, как и ревизионизм «ненасыщенных»; держав, которые представляют собою в послевоенном мире консервативное начало, потому что хотят сохранить порядок, навязанный ими побежденным, в неприкосновенности и во всем том, что в этом порядке грубо попирает самые жизненные интересы не только отдельных наций, но и их совокупности, и что само несет в себе поэтому семена новых взрывов и новых военных опасностей. Насколько военно-опасным может стать такой консерватизм, тому печальное свидетельство привелось дать самому Советскому Союзу. В 1929 году советское правительство не захотело последовать совету Социалистического Интернационала и в порядке мирного соглашения уступить Китаю В.-К. железную дорогу. Оно предпочло силой оружия удерживать в своих руках этот плод изнасилования Китая царским правительством. Ре-

зультаты этой политики консерватизма теперь налицо. Советское правительство оказывается все же вынужденным уступить дорогу, но уже не Китаю, а японскому империализму. Ослабив национально-революционный Китай, оно само содействовало продвижению Японии и созданию нынешнего положения, в высочайшей степени военно-опасного для него самого *).

Естественным последствием прислонения Советского Союза к насыщенным державам было вступление его в Лигу Наций, всегда бывшую, прежде всего, орудием внешней политики этих держав, а после выхода из ее состава Японии и Германии, окончательно превратившуюся в их руках в главный инструмент охраны мира в том консервативном смысле, опасные стороны которого мы только что отметили. Вместе с тем Советский Союз стал важным звеном в той разветвленной системе «безопасности», главными носителями которой являются опять-таки эти державы, с Францией во главе. Эта система построена на ряде договоров и союзов, пытающихся обеспечить мир, заранее устрашая всех фашистских и империалистических нарушителей его военным превосходством той коалиции, которая будет про-

*) Статья эта была уже набрана, когда получилось сообщение о декларации фашистского правительства Германии, возмущающей односторонний отказ ее от военных статей Версальского договора и воссоздание армии, основанной на всеобщей воинской повинности. Этот акт Гитлера означает колоссальное возрастание военной опасности. Но нельзя не видеть, насколько ее возникновению и росту способствовала националистически-консервативная политика буржуазии стран-победительниц, не захотевшей за 16 лет, истекших со времени войны, пальцем о палец ударить для осуществления обещанного мирными трактатами всеобщего разоружения, а, наоборот, и по отношению к демократической, «Веймарской» Германии, всеми правдами и неправдами заботившаяся лишь о сохранении своего военного превосходства.

Но это решение отражает определенную тенденцию развития современных колхозов, недостаточно ясную еще для самих колхозников.

Общеизвестно, что при распределении земли по колхозам, не было проведено какого-либо плана-системы. Освоение земли происходило большей частью в порядке захватов, стихийно. А так как количество крестьян, имевших большие наделы и затем раскулаченных, и охват и напряжение самого этого раскулачивания были в разных районах различны, то в результате — некоторые колхозы имеют по 3 гект. на работника, другие же в тех же районах по 5 и 6 гектаров; одни колхозы имеют лесные угодья, другие не имеют; у одних избыток луговой земли, у других ее мало и т. д. На самом с'езде колхозников Яковлев указал, как еще велика черезполосица между землей различных колхозов. Уже и в прошлые годы неоднократно Наркомзем принимал решения об ударном осуществлении межколхозного землеустройства, но и до сих пор свыше 60% колхозов не имеет землеустроенной земли.

Второй с'езд колхозников постановил, чтобы в спешном порядке было проведено землеустройство, но с тем, чтобы через три месяца после с'езда закрепить за каждым колхозом ту землю, которая к тому времени будет находиться у него в землепользовании. То земельное неравенство, которое сложилось в результате «стихийных обстоятельств», теперь будет закреплено государственным актом. Зная советские политические методы, мы относимся скептически к тому, что прибавка слова «навечно» формально в будущем свяжет советскую власть, однако, несомненно, что в настоящее время происходит закрепление надолго земельного неравенства между колхозами, а, следовательно, и социальной дифференциации колхозов. Недостаток рабочей силы в одних колхозах, при избытке в других, — другая сторона нерав-

номерности распределения земельных наделов, — могут быть в будущем исправлены в советских условиях, когда землю нельзя ни продать, ни сдать в аренду, только в порядке перехода колхозников из одних колхозов в другие. А это путь очень болезненный и сложный.

Закрепление за колхозами земли без предварительного землеустройства, это еще одно звено в цепи той социальной дифференциации, которая оформляется постепенно в современной деревне. А так как государство распределяет орудия производства в зависимости от размеров посевной площади колхозов и кредиты в зависимости от размеров товарности колхозов, то неравномерность распределения земли влечет за собой неравномерность и в наделении другими материальными благами.

**

Одним из самых острых моментов в жизни современных колхозов был вопрос о праве колхозников на личное усадьбное хозяйство. В одних местах местные советские органы очень сурово относились к личному хозяйству колхозника и всячески старались его прижать, в других — колхозники на приусадебных хозяйствах сеяли даже зерновые хлеба. Но повсюду, несмотря на многочисленные разъяснения центральных властей, личное хозяйство колхозника находилось в каком-то полуполюгальном лишь терпимом положении. После второго с'езда ударников в этот вопрос внесена также большая ясность и создана устойчивость. Участие в работах с'езда всей элиты ВКП, активное выступление Сталина за право колхозника на личное хозяйство, легализовали, по крайней мере на ближайшее будущее, личное хозяйство колхозника тверже, чем самые категорические декреты Наркомзема. Произволу и колебаниям в этой области временно положен предел. Каждому колхозному хозяйству предо-

тивоставлена нападающим в будущей войне. Вряд ли надо еще раз говорить о том, какие военные опасности заключает в себе сама система обеспечения мира наилучшей подготовкой к войне: колоссальный рост военных бюджетов и скачка вооружений изо дня в день достаточно внушительно напоминают об этой опасности! Но сверх того, эта система взаимной военной поддержки против нападающего совершенно явственно включает в себя тенденцию к расширению рамок войны, к превращению всякого местного военного столкновения в мировой военный пожар. И тут возникает перед международным социализмом вопрос: должен ли он поддерживать и эту тенденцию к расширению рамок всякой войны, только потому, что в выходящей это расширение «системе безопасности» участвует и Советский Союз? (**).

Возьмем совершенно конкретный пример: нападение Японии на дальне-восточные владения Советского Союза. Само собою разумеется, что и в этом случае весь международный пролетариат должен будет напрочь все

(**) Полемизируя с Полем Фором, Морис Торез («Юманите», 7 марта) заявляет, будто и самому Форю хорошо известно, что «мирная политика большевиков не может вести к военным союзам, ускоряющим бег к вооружениям и войне».

А между тем, в своем докладе 7-му Советскому с'езду Молотов («Пр.», 29 янв.) прямо говорил о Восточном пакте: «подписавшие этот договор должны оказывать друг другу всяческую, и в том числе военную поддержку в случае нападения одной из стран (на одну из стран? Ф. Д.), подписавших договор».

Таким образом, по точному смыслу Молотовского заявления «социалистическая» Красная Армия при случае может быть двинута на военную помощь не только полуфашистским Эстонии, Латвии, Румынии, Польше и т. д., но и сверхфашистской Германии, если она, в конце концов, согласится подписать Восточный пакт!!

свои силы, чтобы заставить все правительства защищать Советский Союз экономическим и финансовым бойкотом японского империализма, прекращением всяких поставок оружия ему и, прежде всего, принятием всех мер для того, чтобы помешать одновременному нападению Германии и Польши на Европейскую Россию. Но может ли и должен ли международный пролетариат идти в этом случае дальше? Должны ли социалистические рабочие Франции, Чехословакии, Англии, Америки требовать от своих правительств мобилизации армии и флота и немедленного объявления войны нападающей Японии, той «военной поддержки» Советскому Союзу, о которой говорил Молотов (см. последнее примечание)? Такой образ действий был бы равносильным самоубийству международного социализма. Ибо действовать так, значило бы собственными руками провозгласить вмешательство Германии и Польши, накликать мировой пожар и тем самым величайшую опасность, какая только может грозить мировому пролетариату. Это значило бы до последней степени ослабить, а может быть и совсем уничтожить свои революционные шансы в ходе войны: ничто не могло бы так дискредитировать социалистический пролетариат перед народными массами, как если бы он оказался в их глазах поджигателем мирового пожара! И, наконец, это значило бы для международного социализма совершать не только акт самоубийства, но и акт убийства русской революции. Любые, в том числе и территориальные, потери на Дальнем Востоке могут нанести революционной стране хозяйственный урон, поколебать престиж и устойчивость ныне господствующей большевистской диктатуры; они ни в коем случае не могут перерезать жизненные нервы страны. Действительно смертельным для советской страны и для русской революции могло

ставлено право на небольшой усадебный участок (от четверти гектара до 1-го гектара). Кроме того, значительно увеличено количество скота, птицы, могущих быть в личном владении отдельного колхозного хозяйства. Если учесть то убогое состояние, в котором в настоящее время находится большинство личных хозяйств колхозников, то предоставление колхозному хозяйству права на одну корову, две телушки, 1-2 свиньи, 10 овец и коз, 20 ульев и на неограниченное количество птицы и кроликов, создает условия не только для поднятия потребительского хозяйства колхозника, но и для быстрого развития подсобных и весьма доходных промыслов. Принятый устав старательно учел особые условия отдельных районов, так, напр., в скотоводческих районах он предоставил право колхознику иметь в личном пользовании весьма солидное стадо: 10 коров, 10 лошадей, 8 верблюдов и до 150 голов мелкого скота.

Советские газеты скудно сообщают о выступлении Сталина в комиссии съезда по вопросу о праве на личное хозяйство. Но основной смысл речи Сталина сводился к признанию, что на ближайший период необходимо сочетать личное и коллективное хозяйство, и что стремление отдельного крестьянина к личному хозяйству столь глубоко и неискоренимо, что с этим советской власти необходимо считаться самым серьезным образом. С тем, что с мелко-буржуазной психикой крестьянина необходимо считаться, мы вполне согласны, тем более, что в этом было все годы основное отличие нашей позиции от сталинской политики в колхозном вопросе. Но как робко и противоречиво дает свои директивы Сталин! Сделаны ли все выводы из запоздалого признания не только того, что в душе рядовых колхозников стойко живет психика мелкого собственника, но и того, что отношение к колхозу самих ударников в конечном счете определяется той же психикой? Конечно — нет!

бы оказаться лишь нападение Германии и Польши на Европейскую Россию и Украину. Так неужели-же международный пролетариат, желающий защищать Советский Союз, как страну революции, должен сам накликасть эту смертельную опасность и одновременно подрывать и свои собственные революционные возможности, которые одни только смогут в этом случае принести спасение угрожаемой русской революции?

Совершенно иначе сложится, разумеется, положение, если, вопреки всем усилиям международного пролетариата локализовать войну и предотвратить переход ее в мировую, Германия и Польша все-же ударят на Советский Союз. Тогда мировая война будет уже фактом. И тогда, как сказано выше, ближайшей и важнейшей задачей пролетариата станет — взять в свои собственные руки ведение навязанной ему войны, чтобы превратить ее в подлинно «анти-фашистскую» войну...

3.

Всем вышесказанным отнюдь не имеется в виду ставить советскому правительству в упрек, что в борьбе за мир и безопасность советской страны оно примкнуло к системе безопасности, воздвигнутой насыщенными державами. Можно с уверенностью предполагать, что, будь его политика за истекшие 17 лет иная, оно располагало бы и иными средствами для обеспечения безопасности. Но исторические факты приходится брать такими, каковы они суть, а не такими, какими они могли бы быть. В наличных-же условиях советскому правительству, перед лицом грозившей ему военной опасности, действительно не оставалось ничего иного, как войти в систему безопасности, сооружаемую мирными в данное время капиталистическими державами. Но с тем

Из речи Сталина вытекает прямое и весьма своеобразное противопоставление современного колхозного и личного хозяйства. По Сталину личное хозяйство нужно для удовлетворения личных и семейных нужд колхозника («...поскольку существует семья...»). Какие функции выполняет сейчас колхозное хозяйство, Сталин высказался весьма туманно, вернее уклонился от определения. Между тем, при таком угловатом противопоставлении Сталина делается особенно ясно, что пока что до осуществления мечты о зажиточности всех колхозников, основная функция колхоза — это не удовлетворение главных общественных, хозяйственных и культурных нужд его участников, а выполнение продовольственных и сырьевых государственных повинностей деревни. Государство и крестьянство противопоставляются с полной оголенностью. Сталин и сталинцы игнорируют то весьма важное обстоятельство, что в «соревновании» колхозного и личного хозяйства первое может победить только в том случае, если оно начнет удовлетворять, притом в больших и больших размерах, все многообразные нужды отдельного колхозника и его семьи. Многочисленные классы руководствуются не туманными утопиями, а своими насущными личными и классовыми нуждами.

Для удовлетворения же этих нужд нужно радикальное изменение общей политики и в частности преобразование колхозов в свободные, самоуправляющиеся организации самих производителей. На это Сталин не решает-ся.

Пока же этого нет, по-прежнему, в полной мере сохраняется дилемма: или советская власть должна будет примириться с тем, что большинство крестьян-колхозников будут максимум своего внимания уделять своему личному хозяйству, будут пытаться получить

большую отчетливостью должен социалистический пролетариат сознавать, что капитализм, а тем паче разлагающийся капитализм не знает иных средств охраны мира, кроме таких, которые сами таят в себе зародыши новых военных опасностей. С тем больше отчетливостью должен он противостоять всяким иллюзиям и стараться создать себе ясное представление об опасностях, заключающихся в той системе безопасности, которую включился ныне и Советский Союз. С тем большей отчетливостью должен стремиться он, если не совсем уничтожить эти опасности, — что вряд ли возможно! — то хотя бы свести их к минимуму.

С этой точки зрения была бы, прежде всего, необходима ясная программа внешней политики советского правительства, которая не только свидетельствовала бы об его несокрушимой воле к миру, но и ясно и общепонятно отделяла бы его позицию от позиции реакционного консерватизма, присущего внешней политике и самых пацифистских буржуазно-капиталистических правительств. Для советской дипломатии, опутанной уже целой сетью договоров и союзов, эта задача не легка: говорить языком первых буревых лет революции она уже не может. И все же задача эта может и должна быть решена, так как только такая программа может стать центром притяжения для энергии пролетариев всех стран в борьбе за мир, а, в случае необходимости, и за защиту Советского Союза в ходе войны. Пока о такой программе ничего не слышно. Наоборот, Радек, официальный истолкователь внешней политики большевистской диктатуры, не раз уже выступал чуть не песнопевцем Версальского и прочих мирных трактатов, а в последней своей статье («Танец среди мечей» в «Известиях» от 14-го марта) без обиняков заявляет о своем «согласии»

от продажи молочных продуктов, птицы, яиц, меда и пр. то, что не дает им коллективное, артельное хозяйство. В этом случае душа большинства рядовых колхозников по-прежнему будет в личном хозяйстве, а не в колхозном. Или советская власть, после того как колхозники несколько образуют жирком личного накопления вновь вступит на путь раскулачивания, на этот раз уж колхозников.

В связи с этим были очень интересны те прения, которые развернулись на съезде вокруг размеров отчисления в неделимый фонд. Часть колхозников-ударников, особенно из председателей колхозов, высказывалась за максимальные отчисления в неделимый фонд, — «чтобы быстрее построить и больниц, и электростанцию, и клуб», — а другая — требовала уменьшения нормы отчислений, так как в большинстве колхозов малы доходы, идущие на личные нужды. Представители правительства поддержали в этом вопросе «минималистов». «Нельзя стремиться построить все сразу в один год и из-за этого выдавать по три килограмма на трудодень. На 3 килограмма себя еще прокормишь, а уж скот, свинью и птицу прокормить невозможно», — говорил Яковлев. Съезд решил установить среднее отчисление в неделимый фонд в 10%, но не свыше 20% денежных доходов артели.

Конечно, в условиях недоедания значительной части крестьянства, форсирование темпов коллективного накопления — явление отрицательное. Но мы должны отметить, что принципиальной выдержанности в позиции Яковлева было очень мало. Он против быстрых темпов коллективных накоплений за счет недоедания крестьянства, но тогда и пока это касается распределения той доли дохода, которая распределяется между колхозниками и колхозом. Но он за отчисление колхозами в кассу государства натуральных налогов, контракций и пр. на нужды второй пятилетки и сверх-

индустриализации, хотя это делается заведомо за счет недоедания крестьян-колхозников. А ведь из валового дохода колхоза на нужды государства в общей сложности, всеми методами отчисляются от 40 до 50%, а в неделимый фонд лишь 3-5%.

Здесь мы подходим вплотную к самой основной проблеме современной советской деревни. Поскольку советская власть не хочет сколько-нибудь существенно уменьшить темпы индустриализации, она вынуждена получать средства для финансирования этой операции из деревни. Она выкачивает эти средства косвенными налогами, денежными и натуральными налогами, займами и пр. всеми мерами нажима, которыми она обладает. И этим ставятся определенные пределы возможности сколько-нибудь существенного подъема благосостояния всего крестьянства, а не отдельного узкого слоя.

Но даже то небольшое накопление, которое постепенно все же создается в современной деревне, советская власть своей политикой в колхозах отстраняет от коллективного хозяйства и направляет его на личное усадьбное хозяйство или на личное потребление. Из-за утопического стремления придать колхозам социалистический характер уже на данной ступени их развития, советская власть не создает условий для добровольной аккумуляции накоплений деревни в кассах самих колхозов. Ударник, получивший в результате своей интенсивной работы по 100-200 центнеров хлеба, служащий колхоза, заработавший по 2-3.000 руб. могут направить свои средства отчасти на свое личное хозяйство, но гл. обр. на потребительские нужды.

«Нашила я себе 32 платья... и смеюся, на что они мне». Сегодня это лишь растерянная фраза счастливицы-ударницы, через некоторое время на определенном уровне накопления это будет настроением всей массы ударников. К чему?..

полностью» с указанием сэра Остина Чемберлена, что «единственным» (!!) средством предотвращения войны является противопоставление «потенциальному агрессору» — «превосходных сил».

Но еще большее значение приобретает в таких условиях другая задача. Чем бесповоротнее советское правительство вынуждено, вопреки всем вытекающим отсюда опасностям, искать безопасности Советского Союза в присоединении к внешней политике определенной группы капиталистических держав, тем необходимее было бы с социалистической точки зрения, чтобы оно старалось ослабить эти опасности и иммунизировать себя самого от них — активной международной пролетарской политикой. Эта международно-пролетарская политика не должна была бы ставить себе никаких иных целей, кроме повсеместного собирания, объединения, укрепления сил рабочего класса, поднятия их сопротивляемости и боеспособности как в борьбе за мир, так и в ходе возможной войны. Надо ли еще раз говорить о том, насколько, перед лицом грандиозных задач, подлежащих разрешению, двусмысленна и недостаточна, как в смысле территориального охвата, так и в смысле целей и методов, та тактика «едиства действий», которую в нескольких странах соглашаются вести отдельные коммунистические партии?

Но не только в период борьбы за мир, — еще большими опасностями будет грозить русской революции внешне-политическая связанность советского правительства в самом ходе войны. Война сама по себе всегда является опасностью для революции: все развитие террористической диктатуры яковинцев с ее конечным переходом в бонапартизм, как и все развитие террористической большевистской диктатуры с ее бюрократиче-

ским перерождением и личным заострением объясняются, в конечном, счете, тем фактом, что обе революции, и французская, и русская, вынуждены были бороться за существование в условиях войны. Но сверх того, большевистской октябрьской революции грозит та же опасность, которую полностью испытала на своей спине демократическая революция 1917 года: опасность быть задушенной в дружеских объятиях своих капиталистических и империалистических союзников, которые, орудуя кредитами, поставками оружия и т. ч., получают широкую возможность навязывать своему, финансово- и военно-технически более слабому партнеру не только методы ведения войны, постановку военных задач и т. д., но и определенную ориентацию всей внешней и внутренней политики. Совершенно устранены и эти опасности быть не могут. Но от военной политики самого советского правительства будет в значительной степени зависеть, насколько удастся свести эти опасности к минимуму и предотвратить их пагубное влияние на судьбы революции. История самой большевистской революции знает два различных типа военной политики.

В год величайшей опасности, 1919, военная политика большевистского правительства была, несмотря на ее утопизм и терроризм, недвусмысленно революционной: против армий белой контр-революции и империалистической интервенции она апеллировала, если не всегда к революционному разуму, то, по крайней мере, к революционным инстинктам и страстям широких трудящихся масс; она старалась пробудить и развязать их революционную энергию, толкнуть их на путь свободной и организованной самодеятельности. Именно этот революционный характер тогдашней военной политики и дал русской социалдемократии возможность принять

Вся хозяйственная структура современного колхоза такова, что у ударника нет никакой потребности отдать свое, полученное в колхозе или в личном хозяйстве накопление колхозу на увеличение своего пая, ибо доходы колхоза распределяются лишь по труду, без всякого учета размеров внесенных паев. Ссылка на социалистическое сознание колхозника мало убедительна, ибо если бы социалистическое сознание было фактом — не было бы никакой нужды вознаграждать колхозников за доброкачественный труд большим количеством трудодней или премией, а можно было бы ограничиться лишь ставкой на социалистический энтузиазм. Впрочем, когда советская власть принудительно распределяет добровольные займы, она сама исходит из принципа дохода в зависимости от внесенного капитала, а не от труда.

Материальное заинтересовывание участника потребительской, производственной или сбытовой кооперации в увеличении своего пая или своих оборотов в кооперативной организации — старый кооперативный принцип. Его применяла даже советская власть в огосударствленной кооперации. Боязнь некоторых, что на этих путях произойдет закабаление одних колхозников другими — необоснована. Если колхоз будет действительно самостоятельной свободной кооперацией, он всегда может уставом определить максимум паев и вообще принять разнообразные меры к защите интересов основной массы своих членов. Если бы устав колхоза был изменен таким образом, чтобы накопление отдельных колхозников по их собственной воле притекало в кассу колхозов, увеличивая этим личные доходы отдельного колхозника, то стремление к созданию параллельно с колхозом своего личного хозяйства, понемногу потеряло бы свою остроту. Это было бы лучшим методом укрепления коллективного начала среди крестьянства Советского Союза. С другой стороны, государство по-

лучило бы возможность постепенно уменьшить натуральные и финансовые тяготы, возлагаемые на деревню. Но для этого, как мы уже указали выше, надо колхозам вернуть их сущность добровольной организации мелких производителей, руководящейся в своем объединении личными интересами и стремлениями к повышению личного благосостояния.

Некоторое внимание уделил съезд колхозников и современным париям деревни — единоличникам. В советской печати много и восторженно говорится о колхозах и колхозниках. Единоличникам же уделяется лишь изредка по несколько строк. Отсутствует сознание того, что пока не разрешена проблема единоличника, экономически, социально и политически не разрешена и проблема деревни. Хозяйство единоличников из-за неуклонно-проводимой политики власти хиреет изо дня в день. За последние два года размеры земельных наделов единоличников уменьшились в два, а местами и в три раза. Молочного скота почти не осталось. Количество лошадей уменьшилось значительно. Прimitивные орудия производства доживают свой век. Налоги, сыпящиеся как из рога изобилия, доводят единоличника до полной нищеты*). Свыше 20 млн. человек живет в условиях безнадежно-убыточного хозяйства, опускаясь в самые низины нищеты и животно ненавидя советскую власть и революцию. Многие единоличники давно уже отказались от своего лично-хозяйственного упорства и готовы бы вступить в колхоз, но колхозники, имея уже некоторый имущественный уровень, не хотят при-

*) Сейчас издана инструкция Наркомзема, по которой увеличение усадебной земли для колхозников может производиться за счет уменьшения усадебной земли единоличников (15-го марта 11935 г.)!

активное участие в войне против контр-революции и интервенции: на эту пору приходится известное решение социалдемократии мобилизовать членов партии и влить их в ряды Красной Армии. Революция, хотя и в утопически - террористической форме, победила.

Принципиально совершенно иному была военно - политическая установка большевистского правительства в следующем году, в наступательной войне против Польши. Теперь оно пыталось опереться, в первую голову, на националистические чувства и страсти, на патриотизм и шовинизм. Социально - революционная фразеология, украшавшая его военные лозунги, еле-еле прикрывала их действительное шовинистическое содержание, когда, напр., вся «вражеская» страна клеймилась кличкой «панская Польша». Генералам царской армии было разрешено писать воззвания к офицерам, сочившиеся патриотизмом и ненавистью к польскому «наследственному врагу». И одновременно, социалдемократии, члены которой еще стояли в рядах Красной Армии, бросались гнуснейшие обвинения в «измене», в подготовке пожаров и взрывов мостов и военных складов и т. д. Эту войну большевистское правительство, как известно, проиграло, и стране пришлось расплачиваться за нее рижским миром.

Какова же будет установка военной политики советского правительства в возможной грядущей войне? Это — вопрос жизни или смерти для русской революции и потому и для всего мирового пролетариата. И когда видишь, что уже сейчас, в процессе подготовки к войне, со все большей настойчивостью выдвигается и внушается красноармейцам и молодежи двусмысленный лозунг «за честь и славу родины!» — то вполне оправдываются опасения, что советское правительство склоняется ко второму, патриотически - националистическо-

му сорту военной политики. Этот уклон его находит себе опору во многих из тех социально-политических и идейных процессов, которые протекают на верхах советского общества и о которых я за последнее время достаточно много писал, чтобы нужно было здесь возвращаться к этой теме. Но, с другой стороны, и сама военная политика советского правительства может явиться сильнейшим фактором контр-революционного завершения этих процессов.

Ибо кажется несомненным: если действительно Советский Союз будет охвачен пожаром войны, и если в ходе этой войны политика советского правительства будет носить патриотически - националистический характер, то, в наличных условиях, представляется почти неизбежным триумф милитаристской контр-революции, которая в современном капиталистическом мировом окружении имеет все шансы «перерости» в буржуазно-фашистскую контр-революцию. Это было бы смертельным ударом для русской революции, но, вероятно, и для всего мирового пролетарско - социалистического движения. Но это одновременно — вследствие отчаянного сопротивления народных, особенно крестьянских масс — поставило бы под сильнейшую угрозу шансы Советского Союза на военную победу. Если же, наоборот, военная политика советского правительства будет ориентирована на развязывание скованной террористической диктатурой энергии народных масс; если она будет пробуждать свободную и организованную самостоятельность рабочих и крестьян; — то тогда, и только тогда, она не только повысит шансы на победу, но спасет русскую революцию и превратит революционно - демократизированную страну рабочих и крестьян в действительную и несокрушимую опору мирового социалистического пролетариата: мировой социа-

нимать в свой состав полунищих крестьян, требуя от вновь вступающих, чтобы они внесли в колхоз то имущество, главным образом, скот, которое было у них еще два-три года назад. Под этим предлогом во многих районах почти совершенно прекращен прием в колхозы новых членов. По настоянию советской власти в новый устав внесен пункт, по которому новые члены из единоличников должны приниматься в колхоз, но «при условии обязательства внести из своих доходов с рассрочкой до 6 лет стоимость лошади и семена натурою». Это еще один фактор, углубляющий дифференциацию в современном колхозе. Очень характерно единодушное отношение колхозников-ударников к восстановлению в правах заслуживших прощение бывших раскулаченных: они не возражают против приема быв. раскулаченных в колхоз, но обязательно на месте их нового поселения, а не на родине.

Определяет новый устав и вопрос о наделении земель выбывающих по тем или иным причинам из колхозов. В полном совпадении с тем, что по этому вопросу намечал проект с.-д. платформы пяти («С. В.» № 20/21 — 33 г.) устав намечает следующее разрешение вопроса: выбывающие члены колхозов должны наделаться землей за счет свободных государственных фондов или получать денежное возмещение, но ни в коем случае не должна создаваться черезполосица внутри колхоза. Интересы коллектива должны превалировать над интересами отдельных членов. В принципе — это правильно. Но на практике, при современной политике в отношении к единоличникам, выбывающим колхозникам, под тем или иным предлогом, наделение земель вообще не будет производиться. Не будут они получать также никакого денежного возмещения. Практически это означает невозможность выхода из современного колхоза, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

лизм сможет тогда не только рассчитывать на победу, но быть уверенным в ней *).

В свете борьбы мирового пролетариата за мир и социализм приобретает особое значение и идея восстановления пролетарского единства. Это единство не может быть восстановлено иначе, как на основе пролетарской демократии, на основе признания права рабочего класса на свободное идейное и организационное самоопределение и самостоятельность. Но в применении к Советскому Союзу это означает не что иное, как стимулирование той политики развязывания энергии трудящихся масс в борьбе за мир и в ходе возможной войны, в которой только и заключается спасение Советского Союза, русской и международной социалистической революции от тех опасностей, которыми всем им угрожают фашизм и война. Именно в этом смысле «единый фронт» является необходимой составной частью борьбы за мир и военной политики международного пролетариата и одним из важнейших моментов, определяющих его отношение к проблеме: «война и Советский Союз».

Ф. Дан.

*). В недавно вышедшей книге известного французского историка Луи Мадлена о «Контр-революции во время революции» особенно поучительной представляется последняя глава, ясно показывающая, как Наполеон, диктатор и монарх, собственными руками уничтожал во время «100 дней» свои шансы на победу над реакционной коалицией держав, категорически отказываясь опереться на снова вспыхнувшую было ярким пламенем революционную энергию рабоче-крестьянских масс и их революционную самостоятельность по образцу 1792-1793 годов.

**

Новая тенденция, которой проникнут только что принятый устав колхозов, это стремление усилить значение общих собраний и укрепить влияние колхозов, как коллективных объединений крестьян. Впредь, согласно уставу, наиболее важные вопросы должны будут решаться общим собранием, и решения приниматься квалифицированным большинством. Хотя и прошлый устав определял довольно широко права общих собраний, но несомненно, что общий дух нового устава проникнут желанием увеличить общественный характер колхоза. Выступления лидеров коммунистической партии на съезде всячески отмечали необходимость добиться того, чтобы в колхозе хозяйником чувствовала бы себя колхозная масса, а не председатель или правление. Нельзя отрицать, что это симптом потребности власти увеличить элемент кооперативности в колхозах. Но не следует терять перспективы. Пока еще сделан лишь маленький, робкий шаг. От прокламирования самостоятельности профсоюзов или независимости потребкооперации — они не сделались еще независимыми и самостоятельными. Пока еще попрежнему колхоз представляет собой огосударвленную бюрократизированную крепость.

Достаточно отметить хотя бы два обстоятельства.

По-прежнему самые насущные вопросы колхозной жизни: что и сколько сеять, как обрабатывать, какое количество продуктов и по какой цене сдавать государству — колхозы не только не имеют права решать, но даже не имеют права обсуждать. Посевные планы определяются Наркомземом, а нормы поставок декретами власти. Только что изданный декрет по-прежнему подтверждает, что контрактация — первая заповедь и незыблемый закон.

И, во-вторых, все решения колхозов, вплоть до выборов правления, распределения доходов и пр. будут и впредь решаться, по новому уставу, открытым голосованием. Это не случайно! В момент, когда было провозглашено тайное голосование при выборах в советские учреждения, высшие органы советской власти предлагают и проводят устав, по которому все насущные вопросы колхозной жизни, даже те, которые могут решать и обсуждать колхозники, должны решаться открытым голосованием, в присутствии недремлющего ока власти.

Вновь принятый устав колхозной артели несомненно большое событие в жизни колхозного крестьянства. В нем нашли выражение некоторые положительные тенденции, но пока еще в такой незначительной мере, что колхозы по-прежнему остаются не свободными объединениями крестьян, но принудительно огосударственными хозяйственными организациями.

А. Югов.

О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ

В европейской и американской печати одновременно в разных странах и на разных языках печатаются сейчас очерки американского журналиста Никебокера «СССР в 1935 г.». Никебокер — образец современного «летучего репортера», который всюду поспевает, все видит и умеет просто и живо передать свои наблюдения. Правда, выросший в американской обстановке, привыкший считать нормальным — нормальным и для рабочего класса — гораздо более высокий уровень жизни, чем это характерно для Европы, а тем более для СССР, Никебокер не всегда правильно оценивает положение в Советском Союзе и тем более не всегда правильно ориентируется в сложной проблематике современного социального и экономического развития. Но

факты наблюдать он умеет и в передаче их он в общем не без успеха стремится проявлять максимальную объективность.

В Москве ему пришла в голову счастливая мысль: воспользоваться для характеристики уровня реальной заработной платы русского рабочего бюджетным набором, выработанным для нужд международной сравнительной статистики Международным Бюро Труда*). Правда, для международных сравнений этими данными, относящимися исключительно к предметам питания, нужно пользоваться с большой осторожностью. Но все же для характеристики современного положения в Советском Союзе они представляют большой интерес.

Для выяснения цен на предметы, входящие в состав бюджетного набора, Никобокер отправился: 1) в магазин «Торгсина» на Петровке, 2) в «Гастроном» на ул. Горького и 3) в закрытый кооператив на заводе «Шарикоподшипник» им. Кагановича, по сведениям Никобокера, один из лучших в Советском Союзе закрытых кооперативов, выделяющийся и своими низкими ценами и относительной легкостью в отпуске товаров. Данные, собранные Никобокером (относящиеся к концу января или началу февраля с. г.), представляют тем больший интерес, что здесь впервые сопоставляются для большого числа товаров цены различного порядка: золотые (торгсинские), коммерческие и кооперативные (в большинстве цены нормированного снабжения). Приведем эти данные (в руб.):

	Торгсин	Коммерч. маг.	Закрыт. кооп.
Хлеб чёрный	кг. 0,08	1,00	1,00
Хлеб белый	« 0,16	2,00	2,00
Мука пшеничная	« 0,20	3,40	3,40
Масло коровье	« 0,55	30,00	7,40
Говядина	« 0,34	12,00	3,10
Баранина	« 0,37	12,00	3,18
Свинина	« 0,50	13,00	—
Сало свиное	« 0,64	30,00	—
Картофель	« 0,03	1,00	0,20
Сахар	« 0,27	6,00	2,50
Чай	« 4,00	70,00	7,00
Сыр	« 0,65	16,00	1,60
Рис	« 0,15	10,00	—
Молоко	литр 0,06	2,00	0,80
Яйца	десяток 0,24	7,00	—

Таблица эта показывает, как далеко зашел процесс обесценения рубля не только в мире рыночных цен, но даже и в мире цен нормированного снабжения. Но мир цен нормированного снабжения это уже умирающий мир. По хлебу и муке цены нормированного снабжения уже заменены коммерческими, т. е. рыночными ценами; общее подтягивание цен нормированного снабжения к рыночным ценам лишь вопрос времени и, повидимому, непродолжительного времени. А между тем средний уровень заработной платы у нас до сих пор в общем и целом приравнен к уровню цен в мире нормированного снабжения. Отсюда все-качества.

Для Никобокера этой проблематики, впрочем, не существует. Для сопоставления русской заработной платы с американской он прибегает к гипотезе, явно не отвечающей действительности и сомнительной и для самого Никобокера, но привлекающей его в качестве рабочей гипотезы, — к гипотезе, будто рабочий все

свои потребности в пище удовлетворяет по кооперативным ценам. Заменяя недостающие в кооперативе свинину и сало бараниной, а рис пшеничной мукой (в равных количествах) и вместо 3 с пол. яиц вводя фунт рыбы (при стоимости ее в 2 р. 25 к. за кг.) и для хлеба принимая среднюю цену между ценами ржаного и пшеничного хлеба, Никобокер (с небольшой ошибкой) исчисляет стоимость бюджетного набора в кооперативе в 17 р. 82 к. (в действительности по принятому Никобокером методу стоимость бюджетного набора по кооперативным ценам «Шарикоподшипника» равняется 18 р. 34 к.), что соответствует среднему заработку рабочего приблизительно за 1,8 часов работы. Американский журналист потрясен. Определяя стоимость приведенного выше бюджетного набора в Соед. Штатах — по грубой оценке — в 4 доллара и часовой заработок «способного» (1) рабочего в 1 доллар*), Никобокер приходит к выводу, что русский рабочий за то же количество предметов питания должен работать в четыре с половиной раза больше американского.

Увы, наша действительность еще гораздо непригляднее, чем это может показаться на основании расчетов американского журналиста. По низким кооперативным ценам рабочий покрывает лишь небольшую часть своего пищевого бюджета, а в ближайшее время — в виду предстоящей ликвидации нормированного снабжения — вынужден будет почти полностью оплачивать покупаемые им продукты питания по рыночным ценам. Что это значит, очень ярко иллюстрирует приведенная выше таблица: по коммерческим ценам бюджетный набор обходится уже не в 18 р. 34 к., а в 47 р. 44 к., т. е. в 2 с пол. раза дороже**). На это и всего заработка не всегда хватит. И если бы не собственные огороды, а часть и собственное птицеводство и даже мелкое скотоводство, т. е. если бы не частичный возврат к натуральному хозяйству, громадные массы русских рабочих уже и сейчас обречены были бы на голод.

Мы вступаем сейчас в полосу, когда пред рабочими массами вновь с исключительной остротой встает вопрос о повышении заработной платы. Достаточно подсчитать, что по ценам Торгсина бюджетный набор стоит всего лишь 1 р. 86 коп., т. е. в 10 раз меньше, чем по ценам кооператива, и в 26 раз меньше, чем по коммерческим ценам, чтобы в полной мере отдать себе отчет в том, как далеко зашел процесс обесценения червонца, не сопровождавшийся соответственным повышением заработной платы. Система нормированного снабжения несколько смягчала до сих пор это противоречие. Сейчас система нормированного снабжения умирает, и чудовищное несоответствие между очень высоким уровнем цен на предметы потребления и очень низким уровнем цен на труд выступает во всей наготе.

*) Подробно останавливаться на этих расчетах в рамках настоящей статьи нет возможности. Отметим только, что средний часовой заработок американского рабочего несколько ниже 1 долл., но бюджетный набор стоит гораздо меньше 4 долл. По последним опубликованным Международным Бюро Труда данным, относящимся к октябрю 1932 г., приведенный выше бюджетный набор стоил в Соед. Штатах (в среднем для 51 города) 1 доллар 74 цента. Это было еще в эпоху золотого доллара. В связи с обесценением доллара (с лета 1933 г.) цены на предметы питания в последнее время поднялись (по расчетам американской статистики с 1932 до конца 1934 г. на 13%). В среднем американский рабочий должен, вероятно, работать сейчас для оплаты приведенного выше бюджетного набора не более 3 часов.

**) В действительности разница эта еще значительнее, так как в стоимость бюджетного набора в кооперативе очень заметной частью входит стоимость хлеба и муки, которые и в закрытых кооперативах продаются уже по коммерческим ценам.

*) Бюджетный набор Международного Бюро Труда приблизительно соответствует «нормальному» недельному потреблению взрослого мужчины применительно к привычкам современного европейца. В состав набора входят следующие продукты: 3,75 кг. хлеба (обычно пшеничного, качества несколько более высокого, чем наш пшеничный хлеб 85-процентного помола), 800 гр. пшеничной муки, 170 гр. коровьего масла, 450 гр. говядины, 100 гр. баранины, 200 гр. свинины, 150 гр. свиного сала, 2 кг. 20 гр. картофеля, 450 гр. сахара, 70 гр. кофе (или чая), 90 гр. сыра, 200 гр. риса, 2,4 литра молока, 3 1/2 яйца.

**

За последние месяцы в связи с отменой хлебных карточек положение в этом отношении значительно обострилось. В начале января я писал об этом подробно, как о ближайшем будущем, в значительной мере на основании теоретических соображений*). За истекшие с тех пор месяцы накопилось немало эмпирического материала, подтверждающего недавние пессимистические предвидения. Особенно тревожный характер носят сообщения об отливе обедающих из общественных столовых. За последние годы общественные столовые стали во многих местах основным источником питания для громадной части рабочего населения. В общественных столовых, получавших значительную часть продуктов по низким нормированным ценам или в порядке льготных децентрализованных заготовок, цены на обеды устанавливались дешевле, приблизительно соответствующие заработкам рабочих и служащих. Сейчас, с упразднением низких карточных цен на хлеб, муку, крупу, макароны, горох, чечевицу и пр., с сокращением нормированного снабжения столовых мясом и рядом других продуктов, с вздорожанием децентрализованных заготовок (в виду начавшего повсюду подтягивания цен в деревне к ценам городских рынков) во многих общественных столовых цены резко растут или при сравнительно небольшом росте цен резко ухудшается качество обедов. Рабочие, особенно низко оплачиваемые группы рабочих и служащих, оказываются поэтому все чаще вынужденными возвращаться к домашнему питанию, а то и просто питаться в сухоматку**). Кое-где положение почти принимает характер катастрофы.

Но предоставим слово фактам. 22-го февраля «Труд» опубликовал статью секретаря ЦК союза работников госпредприятий общественного питания, из которой мы узнаем о массовом распространении в последние недели скрытого повышения цен на обеды путем понижения норм раскладки продуктов. Многочисленные жалобы на «уменьшение веса готовых порций в рабочих столовых, увеличение стоимости обедов при одновременном уменьшении их калорийности» раздавались и на пленуме ЦК союза работников (столь, казалось, привилегированной) авио-промышленности («Труд» от 28-го февраля). На «непомерное повышение цен в столовых» жаловались и на пленуме ЦК союза рабочих по добыче цветных металлов («Труд» от 26-го февраля). Результаты на-лицо: «Число обедающих в общественных столовых Ленинграда значительно уменьшилось»; так, в районе деятельности Васильевостровской фабрики-кухни, обслуживающей значительное число предприятий тяжелой промышленности, в том числе такие гиганты, как «Балтийский», «Кр. Гвоздильщик» и др., «контингент столоующихся упал по сравнению с ноябрем-декабром примерно на 30%»; на заводе «Севкабель» ежедневный отпуск блюд упал с 10-12 тысяч в декабре до 7 тысяч в январе («За Индустриализацию» от 20-го февраля). Та же картина в Харькове: «в январе количество отпускаемых блюд уменьшилось почти на всех заводах; на ХЭМЗ, напр., в январе продано первых блюд на 30% меньше, чем в декабре, овощных на 40 и сладких на 50%» («За Индустриализацию» от 20-го февраля). Жалобы на «отлив столоующихся» в столовых Харьковского и

Сталинградского тракторных заводов были недавно предметом обсуждения на пленуме ЦК рабочих тракторной промышленности («Труд» от 6-го марта). Об отливе столоующихся сообщают и с Красногорского Сормова (в декабре 31 тысяча, в январе 19 тысяч блюд; «За Инд.» от 20-го февраля), и с Ярославских автозаводов и завода «СК» («За Инд.» от 28-го февраля), и из захолустного Тамбова («За Инд.» от 6-го марта), и с мельниц Новосибирского края («Труд» от 12-го января). Надвигающийся кризис общественного питания перекинулся даже на школьные столовые: еще «совсем недавно» в Свердловском районе Горького 80% учащихся в начальной и средней школе пользовались горячими завтраками; сейчас процент этот упал до 25, а в Автозаводском, Сормовском и Канавинском районах (т. е. в рабочих районах по преимуществу) даже до 20% («Труд» от 4-го марта).

Некоторые корреспонденты отмечают особенно тревожное явление: рабочие продолжают пользоваться столовой (некуда уйти!), но ограничиваются обедом из 1-го блюда. Так с Харьковского паровозостроительного завода сообщают, что «в результате резкого повышения цен многие рабочие перестали брать обед из двух блюд» («Труд» от 18-го января). А заведующий сектором тяжелой промышленности Нарпита Васильевостровского района в Ленинграде Стахеев находит даже своеобразное утешение в том, что будто бы «отсева столоующихся почти нет, а есть только значительное сокращение отпуска блюд» («За Инд.» от 20-го февраля).

В свете этих фактов задача повышения и притом значительного повышения уровня заработной платы приобретает сейчас совершенно исключительное значение. К сожалению, о таком повышении нет и речи, и, напротив, печать пестрит сообщениями о самых разнообразных попытках заводоуправлений уклониться от проведения в жизнь и той убогой прибавки к заработной плате, которая была обещана при отмене хлебных карточек. Об этих попытках и об общих проблемах политики заработной платы, встающих сейчас перед рабочими классом, надо будет поговорить особо.

С. Шварц.

ЧЕРНИЛА И КРОВЬ

«Кровь — сильнее, чем бумажные документы. Что написано чернилами, будет когда-нибудь смыто кровью».

(Гитлер в Саарбрюкене).

Лондонское соглашение между Францией и Англией стало исходным пунктом новой дипломатической игры, где козырем является гонка вооружений, а ставкой — европейский мир.

Правительство Гитлера, прекрасно понявшее грозный для него смысл англо-французского соглашения, последовавшего за франко-итальянским, попыталось было притвориться неповиomaющим. В своей ответной ноте, умышленно обращенной к одной Англии, оно подхватило предложение о заключении воздушного Локарно, чтобы легализовать таким путем свою военную авиацию, но ни словом не упомянуло о Локарно восточно-европейском. Одновременно в германской «поравненной» печати появились официозные указания на недостаточность «довооружения» Германии в намеченных в Лондоне размерах. При этом гитлеровская пресса, ссылаясь на увеличение численности Красной армии с 600.000 до 960.000 чел., требовала увеличения рейхсвера до 600.000 чел. Вбить клин между Лондоном и Парижем и запугать английских консерваторов крас-

*) См. ст. «Без хлебных карточек» в № 1 «С. В.» за текущий год.

**) Одновременно наблюдается отлив из общественных столовых и высших категорий рабочих и служащих, которых не удовлетворяет низкое качество нарпитовских столовых и которые при понизившихся рыночных ценах предпочитают обедать дома. Но, конечно, этим никак не объяснить массового сокращения числа обедающих в общественных столовых.

ным призраком вооруженной до зубов большевистской «мировой революции» — такова была цель коричневой дипломатии и ее контр-маневра против лондонского соглашения.

Эта попытка успехом не увенчалась. Пришлось и самым «недогадливым» понять, что лондонское соглашение возложило на Англию определенные и серьезные обязательства. Добившись от Франции согласия на свою политику компромиссного соглашения с Германией с целью вернуть последнюю в Лигу Наций и на конференцию по разоружению, иными словами, связать ее международными обязательствами, английская дипломатия вынуждена была выступить уже не в качестве арбитра при переговорах, а в качестве полномочного представителя группы, точнее, группировки, заинтересованных в обеспечении европейского мира.

Нарочитая недогадливость Гитлера побудила Англию накануне поездки Саймона в Берлин, а Идена в Варшаву и Москву, с грубоватой откровенностью «сказать, что есть». Белая книга констатирует, что безопасность Англии находится под угрозой, что причиной этого является вооружение ряда стран, но главным образом «довооружение» Германии, связанное с воспитанием германской молодежи в воинственном духе, и что поэтому Англия принуждена, к сожалению, вернуться к «старым методам защиты», т. е. усилить свои вооружения, в особенности, воздушные.

Внезапная болезнь Гитлера и вынужденная отсрочка поездки Саймона в Берлин свидетельствовали о чрезвычайном раздражении и растерянности германского правительства. С внешней стороны коричневая реакция на «Белую Книгу» носит трагикомический характер. Едва ли «насморк» Гитлера войдет в историю подобно памятной насморку Наполеона при Ватерлоо. Но по существу заявление Англии о ее решимости противопоставить германской политике бронированного кулака немедленное собственное «довооружение» означало ультиматум: организованный мир или скачка вооружений.

Едва ли это неожиданно решительное выступление английского правительства, которое все время занимало неясную и колеблющуюся позицию в вопросе о германских вооружениях и ревизионистских притязаниях, можно целиком отнести за счет давления из Парижа, Рима и Москвы. По сведениям «Таймс», содержание Белой Книги было, еще до ее опубликования, согласовано с представителями доминионов. Оно и понятно. Положение в Тихом океане остается чрезвычайно напряженным. Завершившийся, наконец, выкуп Восточно-Китайской жел. дороги Манджуко, т. е. Японией, хотя и уменьшает плоскость трений между Японией и СССР, но не снимает с порядка дня ни угрозы японской экспансии в сторону Восточной Сибири, ни опасности общего конфликта на Тихом океане. Навязываемое Японией Китаю сближение двух желтых рас под флагом пан-азиатской «доктрины Монроэ» означает ликвидацию «политики открытых дверей», в которой заинтересованы больше всего Соед. Штаты. Английские доминионы оказываются перед угрозой японо-американского столкновения, которое неизбежно превратится в мировую войну.

Об этой опасности красноречиво говорят назначенные на начало апреля грандиозные маневры американского флота в тихоокеанских водах, на которые японский флот собирается ответить в июле еще более грандиозными маневрами. Всем ясно, что маневры эти будут носить не обычный характер учебных упражнений, а скорее характер военно-политических демонстраций и быть может последней репетиции войны за господство на Тихом океане. Английские доминионы без сомнения заинтересованы в том, чтобы все силы бри-

танской империи были брошены на чашу весов для сохранения мира в Тихом океане, а если это окажется невозможным, то чтобы Англия имела свободные руки на Дальнем Востоке, не тревожась за свой европейский тыл. Белая Книга это не только попытка заморить Европу, чтобы развязать Англии руки в Азии, но и попытка сорвать японо-германский военный союз, угрожающий всеобщему миру и на западе, и на востоке.

Реальность этой двойной угрозы вряд ли подлежит сомнению. Германия и Япония не случайно порвали с Лигой Наций и вступили на путь вооружения. Их завоевательные планы — у одной под пангерманским, у другой под паназийским знаменем — всем известны. Японская военная клика и не скрывает своих захватнических планов, чтобы «дать выход избытку населения». Германский неимпериализм прячет под маской миролюбия свое «законное» стремление завоевать «место под солнцем» для все того же «избытка населения». Свой экспансионизм он до поры до времени скрывает под прозрачным покровом ревизионизма. Но маскарад этот никого не может ввести в заблуждение. Из-под неловко наброшенной овечьей шкуры миротворца то и дело высовывается волчья пасть завоевателя. В своей саарской речи Гитлер проговорился: «Что написано чернилами, будет смыто кровью».

Ревизия Версальского договора с самого начала стала целью внешней политики международного социализма. Но исправления исторической несправедливости, допущенной в Версале, социализм добивался и добивается лишь на путях мирного пересмотра, предусмотренного между прочим и ст. 19 устава Лиги Наций. Исправление исторических несправедливостей силой оружия означает лишь замену одной несправедливости другой, быть может горше. Ревизионистская программа Гитлера, как она впервые изложена была в его книге «Моя борьба», формулирована затем в виде партийных требований в знаменитых «25-ти пунктах» националсоциалистической программы и еще совсем недавно в публицистических комментариях Альфреда Розенберга, есть ничто иное, как программа возврата к Брест-Литовску.

Объявляя войну Версале, националсоциализм стремится к новому Брест-Литовску, т. е. к разделу России в первую очередь, к захвату рандштатов, Белоруссии, Украины. Третья Империя воскрешает программу Второй Империи. Гитлер является подражателем и продолжателем Вильгельма II. Несущественно в данном случае, что за распадом двуединой империи Габсбургов одна из жертв этой политики «Дранг нах Остен», Польша, становится на время соучастницей политики разделов и захватов, а бывшая соучастница Брест-Литовска, Австрия, превратившаяся в обломок дунайской империи, намечается первой жертвой этой политики. Не накликает ли, кстати, политика Пилсудского нового раздела Польши в результате ее опрометчивого соучастия в гитлеровских планах раздела России и передела юго-восточной Европы?..

Тревога Советской России, Балтийского блока, Малой Антанты и Балканской Антанты вполне понятна. Вот почему все они целиком поддержали дипломатическую инициативу Лондона и Парижа. Советская нота по поводу Лондонского соглашения пошла так далеко, что требование скорейшего заключения восточно-европейского пакта совершенно оставило в тени, отодвинуло на задний план, практически сняло с очереди требование ограничения вооружений, входящее существенным элементом в лондонскую программу переговоров с Германией. На это с тревогой обратил внимание даже связанный политикой единого фронта орган французских социалистов «Попюлер». После опубликования

Белой Книги сомнения советской дипломатии рассеялись. Советская печать целиком поддержала дипломатическое наступление английского правительства.

Но она радикально разошлась в этом вопросе с английской Рабочей Партией. Прения в английской палате общин по вопросу о Белой Книге вернули нас к основным предпосылкам мирной внешней политики.

Советофильство Рабочей Партии общеизвестно. Первое рабочее правительство поспешило с признанием советского правительства. Рабочая Партия неизменно выступала против всех планов бойкота, блокады и интервенции и энергично поддерживала внешнюю политику советского правительства. В то же время она является страстной противницей расизма и фашистской диктатуры и поддерживает бойкот германских товаров. Но, оставаясь верной своей политике мира, Рабочая Партия не могла не заявить о своей тревоге, видя стихийное сползание мирной политики — политики международных соглашений и подконтрольного разоружения под эгидой Лиги Наций — на скользкие рельсы военных союзов и скачки вооружений.

Выступление Рабочей Партии против опубликования Белой Книги многие объясняют исключительно партийными соображениями предвыборного свойства. Это не так. Находясь в оппозиции, Рабочая Партия, конечно, правильнее могла оценить и тактическую несвоевременность опубликования Белой Книги накануне переговоров Саймона с Гитлером, и преждевременное — под шумок — объявление новой программы вооружений, и опасную тенденцию поворота от Лиги Наций к групповым союзам, разделяющим Европу на враждебные и вооруженные до зубов лагеря.

Мы не раз подчеркивали, что метод региональных и групповых пактов является обоюдоострым оружием. Даже по отношению к локальному гарантийному пакту 1925 года Социалистический Интернационал, высказавшийся за его поддержку, счел нужным указать на опасность превращения подобных пактов в союзы доверенного типа. Тем более это применимо к пактам и соглашениям, заключаемым ныне, в совершенно отличной и несравненно более военноопасной обстановке.

Советская дипломатия с безоглядной настойчивостью торопит с заключением восточно-европейского пакта — с Германией и Польшей или без них. Точно ей важен не столько региональный союз против войны, сколько военный союз. Международный социализм тоже за подписание восточного пакта с Германией и Польшей или без них. Но он отдает себе отчет в том, что восточно-европейский пакт без Германии и Польши это в лучшем случае оборонительный военный союз против Германии и Польши. Надо, вслед за Балдвинным, считать неизбежным возврат к «старым методам защиты», чтобы с легким серд-

цем идти на заключение пакта без Германии и Польши, закрывая глаза на то, что этим фактически возрождается «система равновесия», базирующаяся на враждебных друг другу союзах и «согласиях», автоматически ведущих к войне. На подписание пакта без Германии и Польши можно идти, как на меньшее зло, как на трагическую неизбежность, но лишь после исчерпания всех решительно возможностей договориться с Германией и ее вассалами на основе компромисса, в который обязательно должны входить возвращение Германии в Лигу Наций, подписание конвенции о подконтрольном ограничении вооружений и присоединение к восточному пакту.

Советские «Известия» писали по поводу дипломатической болезни Гитлера, чуть было не сорвавшей поездку Саймона в Берлин, т. е., последнюю попытку договориться с Германией и тем сделать ненужной скачку вооружений, упирающуюся в войну: «Мы не можем вмешиваться в эти семейные споры Запада». Увы, в эти «семейные споры Запада» Сов. Россия втянута волею истории и логикой своей собственной внешней политики. В сущности, это вынуждены признать и сами «Известия», настаивая тут-же на неделимости мира «как на Западе, так и на Востоке», и указывая на опасность «увеличения напряжения между западными державами». Не ждать же в сторонке, пока чернила на «клочках бумаги» начнут смываться кровью! Советской России менее всего пристала бравурная поза «блестящей изоляции». А ведь это только поза: на самом деле советская дипломатия смертельно боится изоляции и ищет опоры в альянсах с западными державами, в гарантийных пактах с соседями, в Лиге Наций *).

П. Гарви.

*) Статья была уже сдана в набор, когда на и без того покрытом грозвыми тучами европейском горизонте появились новые свинцовые облака. Во французской палате, несмотря на энергичный протест социалистов, коммунистов и части радикалов, в спешном порядке был принят закон о переходе к двухлетнему сроку военной службы на время «дефицитных» наборов. В Германии, в ответ на это, Гитлер поторопился — накануне приезда Саймона — декретировать восстановление всеобщей воинской повинности. Это одно-стороннее аннулирование военных ограничений Версальского мирного договора было облечено в форму обвинительного акта против союзников, саботировавших разоружение. Германский милитаризм принял позу оскорбленного миролюбия. Французская дипломатия парировала этот удар возвещением поездки Лавала в Москву. Скачка вооружений идет к своему трагическому концу — при молчании парализованных страхом нападения народов. Пробуждение народов от этого опасного оцепенения и мобилизация противников войны во всех странах, чтобы остановить роковой бег к пропасти и в последнюю минуту попытаться спасти дело мира — такова задача международного социалистического пролетариата.

П. Г.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

„НЕЛАДЫ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ“

В советском хозяйстве всегда есть какое-нибудь дежурное «узкое место»: позавчера это были уголь и чугун, вчера — сельское хозяйство, сегодня — животноводство и транспорт. К «узкому месту» обычно привлекается внимание хозяйственников, специалистов, советской общественности, ассигнуются дополнительные средства, мобилизуется энтузиазм и узкое место соединенными усилиями начинает «расширяться». Но есть одна область, где, несмотря на все призывы, гудки и тревожные свистки узкое место упорно не изживается: это область литературной критики.

Мысленно пробегая еще ненаписанную историю со-

ветской критики, невольно вспоминаешь: «Поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?!» Напостовцы с Родовым и Лелевичем, Троцкий, Горбачев, Воронский, Полонский, формалисты с Шкловским, Лефовцы с Бриком, марксисты с Переверзевым, Перевальцы с Горбачевым и Лежневым, Рапповцы с Авербахом, Литфронтонцы, не говоря уже о тьме малых сих — все они полегли костями на поле литературной брани. И, задумываясь над настоящим критики, невольно спрашиваешь: А кто следующий?

Хотя все этапы революции сопровождалась у нас кризисом официальной критики, для понимания существа этого кризиса в высшей степени характерно, что ее положение стало особенно «кризисным» после «историче-

ского» решени ЦК компартии о ликвидации РАПП и создании единого союза советских писателей в апреле 1932 года. Широкие круги бывших «попутчиков», как известно, восприняли это решение как некое «ныне отпущаеши». Началась полоса второго расцвета художественной литературы. Казалось бы, вот когда после богатого литературного урожая расцвети и критике! Увы, случилось наоборот. Для критики началась самая тусклая пора, словно лишившись указки, кого можно ругать, а кого хвалить, она очутилась в положении осы, у которой вырвали жало. Началась полоса, которую некоторые насмешники называли полосой «смирненно-мудрия, терпения и любви» по отношению ко всем писателям.

Между тем, противоречия советской действительности, несмотря на все рогатки, очень ярко отражаются в художественных произведениях и потребность разобраться в этих противоречиях, т. е. потребность в критике все растет. И то, что вопрос о критике не сходит со столбов литературных журналов и газет, и то, что критике посвящен был только что закончившийся пленум союза писателей, — лишний раз напоминает о том, что потребность в критике, «достойной эпохи», это действительно острая общественная потребность.

Когда знакомись с обширными подготовительными материалами к пленуму и докладами и прениями на самом пленуме, на котором представители коммунистической общественности единодушно и беспощадно громили свою критику за отставание от жизни, за сумбурность и абстрактность ее установок, за суконый язык, вырвавший вопль у Горького, что критиков читать «тошно и скучно», — возникает вопрос: а почему когда сам Горький, А. Толстой, Фадеев, Федин, Соболев и др., давшие за последние десять лет немало интересных и художественно-свежих произведений, почему, когда они начинают высказываться по вопросам критики, язык их сейчас же теряет свою свежесть и образность, словно область советской критики это какая-то безводная пустыня, в которой язык прилипает к гортани? Попытавшись разобраться в этом как-будто втростепенном факте, коммунистическая общественность, может быть, гораздо ближе подошла бы к разрешению «проклятого вопроса», чем когда она с упорством правоверного мусульманина твердит, что единственный выход из кризиса возможен только в создании «честной коммунистической критики», черпающей свое извечное вдохновение у величайшего Сталина!

Но послушаем главного докладчика на пленуме, Беспалова:

Основные задачи советской критики сводятся к трем пунктам: «Мы не можем обойтись без того, чтобы не возводить в идеал социалистические тенденции нашей действительности, новых людей, романтизировать их, поднимать их... Если прежде художники-реалисты достигали верного изображения действительности часто вопреки своему мировоззрению, то наш реализм может дать верное изображение действительности благодаря нашему мировоззрению... Социалистический реализм партиен, т. е. стремится к тому, чтобы не только стихийно притти к верным выводам, но и открыто поставить себя на службу социализма». Таким образом, Беспалов, а с ним и большинство участников совещания, пришли к старому для диктатуры положению о примате коммунистической идеологии над действительностью, т. е. к анимарксистскому тезису, что не бытие определяет сознание, а наоборот, сознание формирует бытие. Писатели в общем и целом повторяли на все лады это основное положение. И прав же, иной из них напоминал при этом резвую собаченку, которая вдруг сорвавшись с места, стремитель-

но начинает гнаться за невидимым врагом; мечется такая собаченка и наконец поймает «обидчика», яростно вцепившись... в собственный хвост.

Ну, в самом деле, многие из литераторов начинали весьма решительно и смело: нет, мол, у нас критики потому, что критика предполагает смелость и независимость мысли, любовь к литературе, понимание специфичности художественного мышления, а кончали все тем же: а посему единственный выход в создании честной коммунистической критики, которая бы и так далее. И, может быть, последовательнее других была безлести преданная диктатуре Мариэтта Шагинян, когда она в прошлом году выступила за упразднение критики, так как де в наших условиях она просто превратилась в какой-то ненужный пережиток! Не так неправ был и другой литератор, много цитировавшийся на пленуме (но не названный по фамилии!), заявивший, что «настоящее иногда требует фигуры умолчания во имя того, чтобы не взвалить на свои плечи двойной трагедии, — не только в жизни, но и в сознании». Что же удивительного после этого в том, что с невеселыми мыслями открывал этот пленум Горький и еще меланхоличнее резюмировал его итоги. Горький констатировал не только отставание критики от жизни, но и отставание самой литературы: у писательской общественности чувствуются «неладья с действительностью», «мы что-то пропускаем» в этой живой действительности, «исчезает какая-то зарядка», нет «какого-то воодушевления, чорт его знает, куда оно девалось», — развел руками Горький. Но и он не нашел никакого реального выхода, предложив только побольше писать о гражданской войне и готовиться к юбилею 20-летия советской власти!

Попытаемся, однако, разобраться во всем клубке этих вопросов. За годы революции в художественной литературе выдвинулся ряд новых, талантливых людей. Эти художники сумели отразить советскую современность часто вопреки коммунистическим канонам. Как и при всяком диктаториальном режиме, не допускающем борьбы классов на открытой арене, в советском обществе очень сильны роль и значение идеологии и роль художественной литературы, как одного из проводников идеологии. Только в одном отношении советская художественная литература осталась верна традиции дореволюционной литературы. Русская дореволюционная и теперешняя советская литература принадлежат к числу наиболее социально насыщенных литератур в мире; мало работая над формой художественных произведений, русские писатели пользовались любой готовой формой, чтобы заострить внимание читателя на социальной неправде. Русская литература была и осталась лучшей иллюстрацией социальных отношений в стране. И сейчас советские художественные произведения за шелухой официальных установок — часто вопреки намерениям их авторов — хранят жадобные записи о несовершенствах нашей жизни. Но эти записи еще ждут общественной расшифровки. В дореволюционной России, несмотря на все скорпионы цензуры, имелаась общественная критика. И когда представители этой критики поднимали на щит идеи социализма, человеческого прогресса, идеи свободы, их читало, затаив дыхание, все молодое и передовое в дореволюционном обществе. Советская критика тоже хочет «защищать социалистические тенденции», имеющиеся в советской действительности. А между тем, эту критику никто, кроме узкого круга специалистов, не читает. Ну можно ли во всем Советском Союзе отыскать хоть одного молодого энтузиаста, который не спал бы ночи из-за очередного чугуинского литья Беспаловских или Нусиновских статей? Критика так долго трениро-

валась на пропаганде официального стопроцентного коммунистического мировоззрения, что даже не замечала, как при этом она потеряла живого читателя!

Но у советской критики имеются затруднения и более сложного характера, корящиеся в глубоком кризисе всей современной идеологии коммунистической диктатуры. Недавно Троцкий в «Бюллетене оппозиции», характеризуя новый курс диктатуры, сопровождающийся беспощадной борьбой с «остатками» троцкистско-зиновьевской оппозиции, заметил, что эта расправа вовсе не исключает того, что завтра диктатура вновь примется за преследования «правых уклонистов», ибо диктатура может существовать только балансируя между этими крайностями. В этом замечании, конечно, много верного. И если еще совсем недавно в художественной критике подымали голову энтузиасты чистых галстуков и пудры, рекламирующие сытую жизнь, «красоту», изгоняющие «политику» из поэзии, апплодирующие «Веселым ребятам», то сейчас на пленуме опять чуть-чуть потянуло Рапповским ветерком. Но что означают эти вечные зигзаги?

Не так давно Максим Горький с возмущением рассказал в своих «Литературных забавах», что «среди коммунистов возможны революционеры, которые полагают, что если революция не оканчивается термидором, так это — плохая революция». «С. В.» неоднократно уже отмечал нарастание таких настроений в коммунистической среде. В части коммунистической партии усиливается ощущение какого-то тупика от того, что революция не кончается. Эти круги, усталые и внутренне опустошенные годами диктаториального режима, находят свое удовлетворение в лакировке действительности, в декларациях о зажиточной жизни, которая будто бы стала уже достоянием широких трудящихся масс. В этой среде пышно расцветает культ «красивой жизни», так напоминающий французские настроения периода заката революции. Но во время великой французской революции термидор был потому осуществлен почти самоотемком и безболезненно, что лозунг «пора кончать революцию» находил отклик в широчайших слоях населения. Этот лозунг означал в частности для французского крестьянства прежде всего закрепление свободы индивидуального накопления и в то же время ослабление

общественной активности крестьянства, падение его политических интересов, передоверие государственной бюрократии всей полноты власти. Иначе у нас: широкие слои Советского Союза и, особенно, крестьянство, крестьянство верхнего слоя колхозного аппарата, не заражено термидорианскими настроениями. Это крестьянство по-прежнему продолжает быть субъективно революционным и не прекращает борьбы с диктатурой, только эта борьба ведется сейчас на почве новых, создавшихся в итоге генеральной линии социально-экономических условий. В этом убеждает нас творчество всех крестьянских писателей последних лет, в частности недавно появившиеся романы Зазубрина «Горы» и Кудашева «Последние мужики». Об этом же нелицеприятно свидетельствует и судебная хроника современной деревни.

В этой обстановке незамиреного крестьянства и тяжелого материального положения широких рабочих масс в городе разговоры о «сытой и красивой жизни», о бесклассовом обществе, которые в течение последнего года культивировались в советской критике и которые по сути своей отвечают нисходящей стадии революции, эти разговоры не могли не раздражать революционные элементы советского общества, как пошлый мотивчик сентиментальной песенки, которую вплетал в свое исполнение «Марсельезы» Лямшин в «Бесах». И в душе многих преданных коммунистов эти разговоры отдавались чудовищной фальшью.

Если бы советской критике были дороги не судьбы диктатуры, но прежде всего судьбы русской революции, — ее задачи были бы просты, ясны и доступны пониманию широких масс. Ей нужно перестать быть адвокатом диктатуры, рядящимся в тогу «социалистического реализма», прикрывающую реакционный хлам своеобразного советского сентиментализма. Ей нужно стать тем, чем полагается быть социалистической критике, — рупором миллионных масс трудящихся. А тогда ей не придется лакировать действительность и закрывать глаза на язвы современности. Вскрывая эти язвы, становясь на почву подлинного пролетарско-революционного реализма, она только и сможет по настоящему отстаивать «социалистические тенденции» и служить делу рабочего класса и социализма. Художественная литература и — еще больше — сама жизнь дают для всего этого богатейший материал.

В. Александрова.

ПАРТИЙНАЯ ТРИБУНА

„ВЕРШИНЫ ДЕМОКРАТИИ“ ИЛИ ПЛЕБИСЦИТАРНАЯ ДИКТАТУРА?

1. ЧЕМ ВЫЗВАНА РЕФОРМА КОНСТИТУЦИИ?

Что побудило Сталина вытащить из «мусорного ящика истории», куда большевизм давно выбросил, как ненужную ветошь, «формальную демократию», всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право и парламентаризм? Действительные причины и мотивы этого неожиданного жеста остаются неизвестными до сих пор. Можно только с большой долей вероятности догадываться, что тут действовали причины двоякого порядка: внутренние и внешне-политические.

Исходным пунктом неожиданного восхождения диктатора на «вершины демократии» является, — по крайней мере, по внешности, — убийство Кирова коммунистом Николаевым. Жесткая расправа за это убийство не только с подвернувшимися под руку, хоть и непричастными к делу «белогвардейцами», но и с «охвостом троцкистско-зиновьевской оппозиции», на которую и была в конце концов обильно возложена ответственность за подстрекательство и даже за организацию террористического акта, показала, что особое уязвимое место диктатуры Сталина находится во внутрипартийном кризисе.

Повидимому, к «охвосту» трижды «начисто ликвидированной» троцкистско-зиновьевской оппозиции в партии при-

слушивались. Быть может, именно в связи с надвинувшейся опасностью войны на двух фронтах в партии вспомнили крылатое слово Троцкого во время знаменитой партийной дискуссии: «Величайшая из всех опасностей, угрожающая советской стране, это установленный Сталиным партийный режим». Самодержавие Сталина, укрепляемое методами террора и византизма, ощущалось, как причина паралича партии в критический для Советской России момент. Цезаропапизм Сталина импонировал «знатным людям» из ударников и подхалимов да комсомольцам, загипнотизированным культом «великого», но заставлял настораживаться старую гвардию большевизма.

Это именно отталкивание от сталинского единодержавия заставило, напр., Троцкого, одного из идеологов и основателей большевистской диктатуры, выставить требование рабочей демократии и тайных выборов, осуществляемое однако в известной последовательности — сначала в партии, потом в профсоюзах и, наконец, в советах. Сталин, расправившись после убийства Кирова с зиновьевско-троцкистским «охвостом», перехватил политические требования оппозиции. Мгновенно неудобные этапы партийной и профсоюзной демократии, он прямо шагнул к «высотам советской демократии». От рабочей демократии он апеллировал к всенародной демократии, «догнав и перегнав», таким образом, внутрипартийную оппозицию и в то же время польстив недовольному крестьянству уравнением его в избирательных правах с «державным»

пролетариатом. Оглядка на крестьянство — один из главных мотивов реформы.

Но не менее важную роль в нежданном возведении конституционной реформы сыграли бесспорно и мотивы **внешне-политического** свойства. Неожиданная «рецепция» формальной демократии имеет одной из своих целей несомненное желание Кремля устранить у возможных союзников «внутренние» препятствия политико-психологического свойства и в то же время рассеять возникшие у них после убийства Кирова и расправы со старой гвардией большевизма сомнения в устойчивости сталинского режима. Симулирование в привычных для Запада демократических формах парламентаризма нерушимой якобы спаянности власти с широчайшими слоями уравненного в избирательных правах населения должно демонстративно увеличить «моральный» потенциал военной готовности Советского Союза, подобно тому как одновременные социально-экономические уступки крестьянству имеют целью путем некоторого примирения с крестьянством добиться расширения продовольственной и сырьевой базы и этим поднять военно-хозяйственный потенциал Союза. Едва ли однако демократический маскарад сталинской диктатуры достигнет своей внешне-политической цели. После опыта фашистского «демократизма» в Германии и Италии на Западе отлично понимают, что все реквизиты последовательной демократии при отсутствии свободы и при сохранении террористической диктатуры останутся пустым звуком. Никто крашеной в полоску лошади не примет за зебру...

II. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ.

Ни в речах Молотова и др. неопитов парламентарной демократии, ни в статьях газетных комментаторов не найти, конечно, сделанных выше указаний на действительные причины конституционной реформы, преподнесенной съезду советов в порядке сюрприза. Официальные объяснения, данные на съезде советов и в советской печати, отличаются путанностью и явной неубедительностью. Буржуазия, — говорит Молотов, — в эпоху загнивающего капитализма изменяет демократии, уничтожает свободу, поворачивает к фашизму; русский пролетариат, строящий социализм, спасает знамя демократии, занимает и совершенствует лучшие достижения буржуазной демократии. Это весьма подкупающее объяснение. Но ведь фашизм победил в ряде стран Запада не только потому, что буржуазия изменила демократии, но и потому, что пролетариат ее не защищал! А не защищал он ее отчасти потому, что на Западе коммунисты, под диктовку русских большевиков, всемерно дискредитировали демократию теоретически и всячески подрывали ее практически. К сожалению, большевистское развенчивание «формальной демократии» заразило в последнее время антидемократическим духом изрядную часть международного социализма. Не только в странах победившего фашизма, но и в странах старой демократии, как Франция, диктаторская идеология сделала за последние годы немалые завоевания. Излечит-ли, пусть вынужденно — лицемерный и воистину «формальный» возврат русских большевиков к охаянным ими в прошлом демократическим принципам государственности так наз. «левое» крыло международного социализма от диктаторских увлечений и от рабского копирования советской конституции старого образца, как «высшей формы демократии»?

Итак, неверно, будто большевики вводят демократию в России, потому что на Западе буржуазия, фашизируясь, ее упраздняет. Фашизм упраздняет, кстати, не столько **форму**, сколько **душу** демократии — индивидуальную и коллективную **свободу**. Почему же большевики, возвращаясь в Россию к внешним формам демократии, не восстанавливают и **свободы**, без которой всеобщее избирательное право это равенство в несправии, а парламент — штемпелевальная машина?

В «Правде» от 22 февраля 1935 г. один из сикофантов Сталина, Пашуканис, выполняя задание замести следы идеологической капитуляции непогрешимого «вождя», писал, что «пролетарская революция не претендует на вечность тех политических форм, которые она создает». Ну, конечно, не претендует! В отдаленной перспективе она предусматривает даже «замену управления людьми управлением вещами» и постепенное отмирание государства. Положение об относительности политических форм, в том числе и демократии, не составляет предмета спора в марксистской среде. Спор шел и идет о том, является ли советская система высшей формой демократии по сравнению с демократической республикой, основанной на всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве, на свободах для всех и на действительной ответственности правительства перед полноправным народным представительством? Большевики с Лениным во главе доказывали, что советская система, как система «трудовой демократии», по существу, неизмеримо выше парламентарной демократии, основанной на «четырёхвостке». Социалдемократия,

поскольку она идейно не капитулировала перед ленинским «учением о государстве», доказывала, что «формальная демократия», фактически завоеванная народными низами и гл. обр. пролетариатом, может и должна стать орудием и политической формой его социального освобождения, и что историческое возвышение пролетариата к власти в процессе классовой борьбы должно наполнить формальную демократию, являющуюся ныне формой буржуазного господства, новым социальным содержанием. В то же время социалдемократия указывала на то, что советы, как политическая форма, а не как временное орудие революционной борьбы, являются для захватившей власть партии лишь наиболее удобным средством фальсификации воли трудящихся и увековечения своего господства. Вырождение и омертвление советов есть закономерный результат — и предпосылка — увековечения партийной диктатуры под видом «диктатуры пролетариата».

Пашуканис «сто процентно» настаивает на том, что диктатура пролетариата представляет собой условие возникновения нового исторического типа демократии, демократии для трудящихся». Теоретически, вернее в абстракции, **диктатура пролетариата** совместима с **рабочей демократией**, хотя уже менее совместима с демократией **трудящихся**. Но в исторической действительности диктатура и демократия — две вещи несовместные. Напрасно в защиту своего тезиса Пашуканис пытается подsunуть «социалдемократическим теоретикам» утверждение, будто «диктатура вообще» противоречит «демократии вообще». Речь идет не об абстрактных категориях, не об умопостижимых «диктатуре вообще» и «демократии вообще», а об исторических реальностях. На историческом опыте большевизма на протяжении 17 лет мы могли убедиться в том, что диктатура меньшинства — ибо власть большинства всецело укладывается в рамки демократии — не только не ведет к утверждению «нового исторического типа демократии», но, напротив того, в своем развитии отрицает всякую демократию, даже трудовую, советскую и выродается в личную деспотию, в военную или штатскую форму **плебисцитарного цезаризма**. Именно сохранение всех prerogativ и рычагов диктатуры делает демократизацию советской системы, возведенную Сталиным, простой переменной декорацией.

Возврат к формальной демократии изображается большевиками не как отступление от принципов советизма, а как триумфальный переход к вершинам советской демократии. В объяснение этого перехода приводится третий и решающий аргумент: Разгром капиталистических элементов «создает предпосылки для действительного, добросовестного решения по большинству голосов». Окончательная победа социалистической собственности в связи с коллективизацией деревни «создала условия для уравнения крестьян в избирательных правах с рабочим классом». «Теперь, когда рабочие и крестьяне заняты одним **общим** делом, — вторит Пашуканису в той же «Правде» от 2 марта А. Леонтьев, — ...разница в избирательных правах рабочих и крестьян уничтожается». Увы, и этот аргумент от превращения русских крестьян, недавних крепостных, в «строителей социализма» отдает фальшью. Если-б дело обстояло в действительности так, зачем понадобился бы реформаторский сюрприз, зачем эта тайна, окутывавшая подготовку реформы, зачем эта односторонняя и запоздавшая полемика против якобы антисоветской установки Зиновьева, Каменева и Троцкого, будто-бы подтверждавших, вслед за меньшевиками, невозможность развития советской демократии при «диктатуре пролетариата», но, в отличие от меньшевиков, настаивавших на «диктатуре партии»?

Но в том то и дело, что из превращения крестьян в «поборников социалистической собственности» и в «строителей социализма» следовал бы вывод не о даровании всенародной демократии без всенародной свободы, не об «усилении бдительности», т. е. террора, и не о сохранении партийной диктатуры, т. е. единовластия Сталина, а о создании **реальных** условий для «действительного, добросовестного решения по большинству». Эти условия — отказ от партийной монополии, упразднение террора, восстановление гражданских свобод и прежде всего свободы слова, собраний, печати, союзов и стачек, последовательное народовластие. Пока эти условия не созданы, пока «демократизация режима» сочетается с усилением зажима, мы вправе сомневаться и в победе социалистической собственности (а не государственной только), и в прочности строя, созданного в деревне насильственной коллективизацией, и в социалистичности колхозников, которым приходится, кстати, делать уступки частнохозяйственного свойства.

Дело объясняется проще. Пред нами демагогическая смена политических ширм. Вырождение большевистской диктатуры из партийной в личную приводит на известном этапе к замене громоздкой и исторически связанной с «партийным косяком» советской системы плебисцитарной «демократией», являющейся чистой формой взаимоотношений единоподданного вождя с распыленным народом.

III. СТАЛИНСКАЯ РЕФОРМА И НАША ПАРТИЯ.

Наша партия, в общем, единодушна и в вопросе о действительных внутри- и внешне-политических мотивах конституционного реформаторства Сталина, и в оценке реформы, как вынужденного, но неискреннего жеста, и в признании ее крупной брешью в идеологических построениях большевизма. Мы особенно подчеркиваем, что возврат большевиков — пусть фиктивный — на путь формальной демократии устраняет одно из разногласий, с самого начала советской власти разделявших нашу партию.

Наша партия — без различия течений — никогда не отделила демократии от свободы. Но партийное большинство, образовавшееся после захвата власти большевиками, перешло, частью из идеологических, частью из тактических соображений, на позиции советского трудовластия и свобод для трудящихся. С особой четкостью этот отход от принципов «формальной демократии» был выражен в знаменитых «апрельских тезисах» 1920 г. С переходом к явзу, когда явилась необходимость в пересмотре этих тезисов, Мартов писал осенью 1922 г. в «С. В.»: «Основная политическая задача момента может быть сформулирована в нашей платформе, как борьба всеми средствами организованного массового движения за переход к **нормальному режиму демократической республики** в видах предотвращения вырождения изжившей себя красной диктатуры в диктатуру бонапартистскую». Тов. Даи писал тогда же: «Такие очередные лозунги, как «свобода для трудящихся» должны окончательно исчезнуть из нашей агитации... Осуществление «формальной демократии» перестает быть конечным политическим этапом нашей борьбы, оно становится нашим **непосредственным очередным требованием**».

Увы, при выработке партийной платформы весной 1924 г. эти, казалось, уже беспорные достижения нашей партийной мысли вновь подвергнуты были ревизии «влево», несмотря на упорное сопротивление внутрипартийной оппозиции. Демократическая республика, «формальная демократия», всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, свободы для всех — вновь превратились из очередных требований в «конечный политический этап нашей борьбы», а «непосредственным очередным требованием» сделано было «приведение в действие советской конституции», основанной на пресловутых «свободах для трудящихся» и на узаконении избирательного неравенства рабочих и крестьян. В свое время («Проблемы Революции» 1926, № 1) мы объяснили этот рецидив советских построений эпохи военного коммунизма, это запрятывание развернутого требования народовластия, как не актуального, на пропагандистский чердак, ориентацией партийного большинства на соглашение с оппозиционными течениями в компартии, переживавшей в то время острый внутренний кризис. С 1924 г. политическая часть нашей платформы не пересматривалась, и можно только пожалеть, что инициатива активизации и реабилитации «формальной демократии», парламентаризма и всеобщего избирательного права принадлежит не нашей партии, хотя она и оставалась в основном на позиции **демократического социализма**.

Эта краткая историческая справка приводится нами не на предмет сведения фракционных счетов, и не для того, чтобы «плодить недоразумения — политические и иные», подходи к крупным проблемам современности «под углом зрения своих маленьких, групповых интересов» (см. Ф. Даи в № 2 «Соп. Вест.»), а для того, чтобы показать, куда приводит не критическое следование за всеми поворотами и фазами большевистской революции.

Вот и сейчас в серии статей «Знатные люди страны» тов. Даи, делая интересный анализ образования на основе генеральной линии нового плебейского правящего сословия и кладя этот анализ в основу своих политических построений, исходит из признания неустраиваемости из социально-экономической действительности России основных достижений генеральной линии, в частности, коллективизации. Социально-экономический строй, созданный генлинией, он считает **переходным**, — очевидно, от капитализма к социализму. Соответственно этому он видит в советской действительности борьбу двух тенденций — капиталистической = термидорианской и социалистической = анитермидорианской. Но ведь это та же самая дилемма, которую нам навязывает сталинская концепция. Если капиталистические отношения это обязательно термидор и фашизм, то — хочешь, не хочешь — остается борьба за доведение социалистического эксперимента — генеральной линии те-ж — до конца. Если же наша партия останется на той позиции, что построение социализма в современной России является предприятием заведомо утопическим и неизбежно восстанавливающим крестьянство против пролетариата, то она упрется в термидорианско-фашистский тупик.

Между тем исторически неизбежное крушение «социалистического» эксперимента отнюдь не обязательно должно быть

равнозначно — особенно учитывая изменившийся социальный состав населения России — термидорианско-фашистскому срыву революции. **Демократический вариант** развязки в стране рабочих и крестьян остается **третьей** возможностью, реализация которой и должна стать ближайшей политической задачей нашей партии. Или т. Дану не ясна связь между увещиванием террористической диктатуры большевиков и продолжением эксперимента генеральной линии? Только по-прежнему в тиски сталинской дилеммы: капиталистический термидор или социалистическая генлиния, т. Дан может отводить новому правящему сословию «знатных людей» — в зависимости от исхода борьбы русского и международного пролетариата — то роль застрельщика капиталистической реставрации и термидорианского завершения революции, то роль авангарда пролетариата в борьбе за достройку социализма в России.

Мы согласны с т. Даном в том, что возвещенная Сталиным конституционная реформа пробивает немалую брешь в политической идеологии большевизма. В эту брешь мы должны ворваться, чтобы вскрыть все противоречия большевистской концепции и все опасности государственной практики плебисцитарной диктатуры для освободительной борьбы русского и международного пролетариата. Но по нашему мнению, тов. Дан ошибается, полагая, что провозглашение с вышки Кремля принципов политической демократии не только стимулирует наше идеологическое наступление на большевизм, но и «создает и для практической борьбы трудящихся масс то, что П. Б. Аксельрод называл, «защепками». Едва ли в оболочке диктаторского режима может быть создана, как думает тов. Дан, «почва для формирования оппозиции» иначе как в подполье.

«Защепки», о которых говорил в свое время Аксельрод, это были те, пусть убогие, кучные, хрупкие, но **реальные** возможности которые созданы были реформами 60-х годов и, особенно, манифестом 17 октября 1905 г., вырванным октябрьской всеобщей забастовкой. В условиях же «тотальной» диктатуры, где даже старая гвардия большевизма, вслед за с.-р. и меньшевиками, должна заселять подвалы Лубянки и медвежий углы сыскки, конституционная реформа Сталина не создает никаких реальных «защепок», — как не создает их ни корпоративный режим Муссолини, ни национал-социалистический строй «небывалой демократии» в Германии. Подлинная демократия или даже начатки ее не даются сверху, и берутся снизу.

П. Гарви.

ЗАГРАНИЦЕЙ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ ФРАНЦУЗСКОЙ ПАРТИИ И ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ.

3 марта в одном из парижских предместий заседал Национальный Совет французской партии. Его порядок дня гласил: «Политическое положение и деятельность партии». В рамках этого порядка Совет постановил создать на 9-12 июня 32-ой конгресс партии в Мюльгаузене и единогласно принял резолюцию, касающуюся положения дел в Северной Африке. Но главным предметом прений, затянущихся за полночь, был вопрос об «**единстве действий**».

Было много причин, заставивших Совет в детальных и подчас весьма страстных прениях попытаться подвести итоги, пережитой уже стадии «единства действий» и наметить линию поведения в этом вопросе на будущее время. К тому, что можно назвать «кризисом» движения к единству — и притом не только во Франции, но и в международном масштабе, — придется вернуться в одном из ближайших номеров «С. В.». Сейчас мы ограничимся лишь кратким обзором того материала, который дал для постановки и освещения этого вопроса Совет французской партии и дальнейшие акты, связанные с прениями и решениями Совета.

В самый день созыва Совета «Юманите» опубликовала текст письма, с которым ЦК коммунистической партии обратился к Совету. Это письмо произвело неблагоприятное впечатление на делегатов — не только теми еде прикрытыми выпадами против социализма, как французского, так и международного, которые оно содержало, но и своими конкретными предложениями, в которых делегаты увидели попытку, с одной стороны, вбить клин между социалистическою партией и профессиональными союзами, а также Социалистическим Интернационалом, а, с другой, — разложить ее организационно (совместными низовыми собраниями членов) и идеологически (предложением положить в основу всей работы над восстановлением организационного единства программу Коминтерна). Это неблагоприятное впечатление, почва для которого была подготовлена известным уже нашим читателям отказом коммунистов от выработки совместной полити-

ческой платформы и совершенно очевидным нежеланием их серьезно поставить вопрос о переходе от единства действий к организационному единству (см. «С. В.», № 4/336), было значительно усилено статьями, появившимися накануне съезда Совета в теоретическом органе французской компартии «Ле Кайе дю Большевизм» и во французском издании «Коммунистического Интернационала». Первый из этих органов заявлял, что «борьба единым фронтом» может быть успешна лишь постольку, поскольку в ходе ее коммунистам удастся уничтожить влияние социалдемократии на массы», второй содержал передовую статью «Вожди Второго Интернационала, СССР и Единый Фронт» с самыми резкими нападками на все партии РСИ, в особенности же на те 7 партий, которые подписали на последнем заседании Исполкома РСИ известную декларацию о рабочем единстве, и с невероятно грубыми выпадами лично по адресу Леона Блюма. Большинство делегатов не могло понять эти статьи иначе, как выражение желания «Москвы» положить конец всей кампании «единства действий», а самое это желание не могло объяснить иначе, как стремлением (быть может, подсказанным французским правительством) ликвидировать ту помеху, какой эта кампания может оказаться для успешного хода переговоров о заключении военного союза между Францией и СССР.

Помимо этих факторов общего характера, почти все выступавшие ораторы «с мест» приводили немало фактов двусмысленного, а то и прямо недобросовестного отношения коммунистов к обязательствам, взятым ими на себя при заключении пакта об единстве действий. Все это создавало известную настороженность по отношению к «единому фронту», особенно сильную, естественно, в тех кругах партии, которые ведут центральную административную работу и несут непосредственную ответственность за целостность и сохранность того «старого дома», который с таким трудом удалось не только восстановить, но, в значительной степени, заново перестроить и расширить после Турецкого раскола. Этим и объясняется та оживленная и подчас драматическая полемика, которая имела место на Совете между наиболее страстными сторонниками единства действий (Жиромский, Марсо Пивер) и секретариатом партии (Поль Фор, Северак) и которая нашла отражение и на страницах «Попюльэр». Но, за исключением 4-5 делегатов, группировавшихся вокруг Фроссера и воздержавшихся при голосовании резолюции, предложенной Лэба и воспроизводившей основные мысли резолюции, уже принятой Северной Федерацией, весь Совет встал на ту точку зрения, что «поскольку продолжают существовать обстоятельства, вызвавшие единство действий с компартией, необходимо продолжать и это единство действий; более того — что, хотя отказ коммунистов от принятия совместной политической платформы по необходимости суживает размах совместных кампаний, партия все же должна стремиться по возможности этот размах расширять. Поскольку же и в самом ходе кампании единства действий, и в прениях выяснились отрицательные стороны существующего ныне положения, Совет решил принять ряд соответствующих мер.

Первая категория этих мер направлена в сторону работы над восстановлением **организационного единства** рабочего класса. Отвергая всякие попытки противопоставить организационное единство единству действий и превратить недостижимое пока воссоединение расколотых ныне частей пролетариата в орудие срыва возможного и необходимого сейчас совместного выступления их в определенных случаях, Совет решил, что само единство действий должно проводиться в духе подготовки организационного единства, и постановил образовать при Постоянной Административной Комиссии партии специальную комиссию с поручением обратиться к другим пролетарским партиям (коммунистической и партии пролетарского единства) с приглашением заняться совместной работой над созданием единой партии пролетариата. Совет так формулировал возможные основы единства:

«1. Организация пролетариата в классовую партию в целях завоевания власти и социализации средства производства и обмена, т. е. преобразования капиталистического общества в общество коллективистское или коммунистическое;

«2. Определение направления деятельности партии ею самой на ее общегосударственных съездах, после предварительного обсуждения вопросов в ее местных и департаментских организациях.

Иначе говоря: классовый принцип, завоевание власти, социализм и партийная демократия, воздвигающаяся «снизу вверх», — вот, по мысли Совета, единственно возможная основа восстановления пролетарского единства. Образованная, в силу его постановления, «Комиссия Единства» уже обратилась к двум другим пролетарским партиям с предложением назначить делегатов для совместной работы над восстановлением единства и в то же время опубликовала воззвание ко всем рабочим Франции, чтобы дать возможность принять участие в этой работе и тем группам, которые ни в одну из

трех партий не входят, но стоят на почве классовой борьбы («Поп.», 16 марта).

Другая категория мер сводилась к стремлению предотвратить всякое «маневренное» использование единства действий коммунистами и усилить **инициативную роль** социалистической партии в намечении и проведении совместных кампаний. В этом духе было поручено Постоянной Административной Комиссии дать гласный ответ на гласное обращение компартии к Совету. В этом ответе («Поп.», 14 марта) ПАК, констатируя положительные результаты кампании единства действий, упоминает о тех отрицательных сторонах ее, на которые указывали делегаты Совета, и дает ответ на предложения коммунистов. Она выражает согласие на совместную выработку текущих общих требований, но отклоняет предложенную коммунистами для этой выработки систему общих «низовых» собраний, отмечая попутно, что коммунисты неправильно ссылаются в подкрепление своего предложения на постановление Сенской Федерации, между тем как им известно, что сама Федерация отменила это, случайно принятое на одном ее собраниях постановление; ПАК поддерживает постановление Сенской Федерации об оказании помощи партиями поддержки профессиональному движению в организации празднования 1 мая (во Франции первомайский праздник, по традиции, организуют профсоюзы, а не партии), но отклоняет попытку коммунистов использовать это постановление для организации совместного «давления» партий на профсоюзы. ПАК отвергает и попытку коммунистов вбить клин между французской партией и РСИ и, в частности, их предложение созвать сообща международную конференцию. По этому поводу ответ ПАК, напоминая о борьбе французской социалистической партии за международное единство и о декларации, оглашенной на последней сессии Исполкома РСИ, говорит: «Но социалистическая партия ни в каком случае не желает наносить необдуманными или преждевременными шагами ущерб внутреннему единству международной организации, к которой она принадлежит; а между тем таков был бы неизбежный результат созыва международной конференции по соглашению с французской компартией, во помимо РСИ и большинства составляющих его партий». Указав на недопустимый характер тех (упомянутых выше) рассуждений и выпадов, которые сочли нужным поместить на своих столбцах органы коммунистической печати, ПАК ставит перед коммунистами вопрос о работе над воссозданием организационного единства на основах, указанных Советом, и кончает выражением уверенности, что для рабочего класса это воссоздание неразрывно связано с самым смыслом кампании единства действий.

В том же заседании ПАК было постановлено «еще раз просить коммунистов не делать предложений социалистической партии путем опубликования этих предложений в печати: они должны делаться непосредственно в комитете координации. Всякое новое отступление от этого порядка, который уже был однажды принят, социалистическая партия будет рассматривать, как акт недружелюбия». Так как в самый день заседания ПАК в секретариат партии поступило (и одновременно было опубликовано в «Юманитэ») новое предложение коммунистов о совместной кампании по вопросу о дороговизне жизни, двухлетнем сроке военной службы и колониальной политике, то ПАК постановила: 1) поручить Блюму разъяснить коммунистам в комитете координации те опасности (имеются, очевидно, в виду опасности идеологического и политического характера, связанные с политикой и практикой Советского Союза), которыми грозило бы единству действий совместное ведение кампаний по вопросу о двухлетнем сроке службы и колониальной политике; 2) просить у коммунистов более точного определения тех форм, какие они имеют в виду придать кампании по поводу дороговизны жизни.

Таково положение кампании единства действий во Франции в данный момент. Как сказано, к вытекающим отсюда вопросам более общего порядка придется вернуться в другой раз.

Ф. Д.

«РАБОЧИЙ ПЛАН» И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛЬГИЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА.

За последний год бельгийское рабочее движение пережило три критических момента, каждый из которых мог, казалось, послужить исходной точкой больших и решающих событий. Самое накопление этих моментов за такой короткий срок уже само по себе говорит о необычайной напряженности политической жизни в Бельгии, как следствии крайнего напряжения классовых отношений.

Экономический кризис, сопровождаемый кризисом режима, определяет не только стремление капиталистической буржуазии переложить «расходы по кризису» на плечи рабочего класса, но и стремление всех имущих классов любой ценой

сохранить свое господствующее положение. Не доказываются ли это хотя бы тем, что вот уже 3 года Бельгия управляется почти непрерывно правительствами «особых» полномочий? Правительство всякий раз получает эти полномочия от беспрекословно послушного и беспринципного клерикал-либерального большинства парламента, и все же оно предпочитает править без него. Ибо и само это большинство раздирается непримиримыми противоречиями интереса, объединяясь лишь в момент явной угрозы его общему и основному интересу классового господства имущих. Не имея ни программы, ни воли, ни способности найти выход из созданного кризисом тупика, это большинство панически цепляется за любое правительство, покрывает любые анти-парламентские и анти-конституционные акты — просто из боязни того «прыжка в неизвестное», который может быть последствием падения правительства.

Так пришла Бельгия в конце 34 года и к так наз. «правительству банкиров». В основу своей политики это правительство положило дефляцию, т. е., прежде всего, понижение жизненного уровня рабочих, служащих, безработных и пенсионеров, далеко неуравновешиваемое сильно отстающим понижением цен. Этим оно восстало против себя и широкие слои лавочников, зависящих от покупательной способности этих категорий. Другой стороной той-же медали является стабилизация высоких прибылей промышленных монополий (в частности, электрической), вздорожание кредита, фактически уничтожающее его, так наз. «тезауризация», т. е. изъятие из оборота и припрятывание денег, и, наконец, «социализация убытков» или, говоря попросту, ассигнование средств гибнущим банкам. Если прибавить к этому последовательное усиление полицейского и репрессивного аппарата, то получится полная картина политического режима в Бельгии и тенденций его развития. А фоном этой картине служит все rostущая нищета, безработица и безысходное прозябание промышленности, усугубляемое тем, что она перерабатывает ввозное сырье на экспортные полуфабрикаты и потому особенно страдает и от запретительных пошлин, и от обесценения валюты конкурирующих стран. В этих условиях положение рабочего класса становится особенно трудным. Наступление на зарплату всюду растет, а оборонительная борьба становится все безрезультатнее. Приспособление к новым условиям, формам, методам и задачам борьбы затрудняется внутренним состоянием политических и профессиональных организаций бельгийского рабочего класса.

Бельгийская Рабочая Партия и профсоюзная организация выросли в идеях и традициях так наз. реформизма. Наибольшего расцвета своего они достигли в после-военные годы, когда «красный призрак бродил по Европе» и заставлял буржуазию идти на большие уступки (8-часовой рабочий день, всеобщее избирательное право и т. д.). И последующий период «расцвета» делал для буржуазии значительное повышение заработной платы более выгодным и экономным, чем провоцирование забастовочного движения. И партия, и профсоюзы ушли эти легкие победы, лишь как следствие мощи рабочих организаций. Но первые-же годы кризиса нанесли этому оптимизму и самообольщению сильный удар и вскрыли ограниченность реформистских возможностей. А между тем вся пройденная школа, вся система воспитания рабочего класса не подготовили рабочих организаций к новому положению, когда нужны величайшее напряжение и сознательность для защиты ранее завоеванных позиций, когда нельзя уже апеллировать к перечислению материальных выгод для рабочего от вхождения в профсоюз или партию. Старые грехи «бургфридена» и иллюзий постепенного востания капитализма в социализм стали жестоко мстить за себя. И кто знает, удалось ли бы бельгийским профсоюзам сохранить свои кадры, если бы рабочие не привязывали к ним (в виду отсутствия обязательного государственного страхования) учреждения социального обеспечения и кассы взаимопомощи?

К концу 33 года стало ясно, что старые, реформистские пути окончательно изжили себя. Влияние левого течения в партии достигло апогея и далеко превысило его организационные силы, — да оно, вполне сознательно и правильно, и не стремилось к организационной кристаллизации. И вот, в этот момент было произнесено новое слово, которое должно было всех примирить и объединить: «рабочий план».

Об этом плане мы уже писали в свое время («С. В.» № 1/310 за 34 г.), и нам остается лишь напомнить, что мы не являемся противниками принципа плана, как программы очередных мероприятий пролетариата, ставшего у власти, но отвергаем его, как тактическую основу политической борьбы пролетариата за власть. Именно бельгийский опыт уже показал, что в такой роли «план» не только бесполезен, но в известных случаях может оказаться даже вредным.

Своей основной задачей «рабочий план» поставил, как известно, уничтожение безработицы, а своим методом признал «реформу структуры» современного общества, и притом реформу чисто конституционными, легальными способами. Ил-

люзия о возможности таким путем радикально реформировать структуру капиталистического общества довела даже творца плана, Де-Мана, до неоднократных заявлений о возможности провести эту реформу даже при нынешнем составе парламента, о севильно-реакционном большинстве которого достаточно сказано выше. Уже это одно дает нам меру революционного «потенциала» плана, который Вандервельде недавно, в виде похвалы, характеризовал, как форму «нео-реформизма»!

Однако левые элементы движения приняли план, видя в нем залог обновления партийной жизни, выпрямления текущей политической линии партии и ориентации ее на радикальное преобразование социальной системы. Широкие-же рабочие массы поняли его, как обетование близкого избавления от кошмара кризиса и безработицы. Но время идет, кризис продолжает свои опустошения, буржуазия все больше проникается духом авторитаризма и фашизма, а текущая политика рабочего движения, и под знаком плана, остается политической отступлением.

А между тем рабочие массы за этот год трижды готовы были подняться на защиту своих прав. Первый раз то было во время забастовки текстильщиков в Вербье, длившейся 3 месяца. Движение имело все шансы выйти за местные пределы и перекинуться на другие отрасли промышленности, поскольку понижение зарплаты грозило и металлистам, и текстильщикам. Руководящие круги движения истратили свыше 9 милл. франков на поддержку забастовщиков, но, несмотря на заведомую обреченность местной забастовки в условиях кризиса и нелепость упорствования в Вербье при отступлении на всех других участках, упорно сопротивлялись расширению забастовки. Во имя поддержки стачечников в Вербье (16 тыс. рабочих) во всей Фландрии было принято понижение зарплаты текстильщиков (150 тыс. раб.), а Вербьевские предприниматели спокойно выполняли заказы в других городах. Оправданием этой тактики было: нужно сосредоточить все силы на борьбе за «рабочий план», нужно бороться за «реформу структуры», а не за «реформу распределения».

В конце 34 года бурю возмущения вызвали «дефляционистские» постановления «правительства банкиров», прямо грозившие уровню заработной платы и сокращавшие пенсии горнорабочим. Весь рабочий класс, партия и профсоюзы были охвачены волной протеста. Шахтеры постановили забастовку, если к 1 февраля не будут отменены постановления о пенсиях. Движение имело все данные разрастись во всеобщую забастовку, которая могла, по меньшей мере, смести правительство. Но — во имя все той же идеи, что ничто не должно отвлекать от борьбы за «план» и его проведение конституционным путем, партия, после интерpellации в парламенте, пошла в расставленную правительством ловушку Национальной Комиссии Труда, составленной на коалиционных началах и получившей лишь совещательный голос, который правительство не обязано было даже запрашивать!

Конечно, можно спросить: почему же сами рабочие массы не взяли на себя инициативу борьбы без и даже против своих политических и профессиональных организаций? Тут не место, разумеется, разрабатывать сложный и трудный вопрос о соотношении между массовым рабочим движением, подвижным и меняющимся в своих настроениях, и рабочими организациями, в ходе своей истории приобретающими традиции, от которых они не так-то легко и скоро могут освободиться. Здесь достаточно указать, что массы так же бессильны без своих организаций, как организации без них. «Бунт» масс против организации, всегда опасный для судьбы рабочего движения, если и возможен, то лишь в обстановке, которая непрерывно гонит вверх кривую революционного творчества масс. В нынешних условиях экономической и моральной депрессии и явно неблагоприятной международной конъюнктуры такой бунт мог бы привести лишь к полному развалу движения, к положению, когда все нужно было бы начинать сначала. Поэтому изменения политики рабочего движения в Бельгии, а тем самым и спасения его от разгрома, пережитого в ряде других стран, можно ожидать лишь в результате систематического и непрерывного давления масс на их собственные и им жизненно необходимые классово-политические организации, а не от их разрушения.

Срыв назревавшего уже всеобщего-забастовочного движения вызвал в широких массах глубокое разочарование. Чтобы парировать эти настроения, партия направила свои усилия на организацию колоссальной манифестации, которая должна была соборать на 24 февраля в Брюсселе 150-200 тысяч «жертв кризиса» для протеста против политики правительства и требования замены его правительством «рабочего плана». Но, как известно, в последнюю минуту манифестация была запрещена. Партия и профсоюзы собрали чрезвычайный съезд для обсуждения вопроса о реагировании на это запрещение. Разумеется, о манифестации вопреки запрету не было и речи: это значило бы вести безоружные массы на

расстрел. Но было предложено объявить 24-часовую всеобщую забастовку протеста. Даже часть правого крыла съезда поняла необходимость быстрой и сильно-действующей массовой реакции. Массы были готовы в третий раз встать на борьбу. Но большинство съезда опять решило все подчинить идее конституционной борьбы за «план». Поэтому, отвергнув демонстративную забастовку, оно решило, путем сложения полномочий отдельными депутатами, проводить частичные выборы, чтобы доказать, что громадное большинство страны стоит за «правительство рабочего плана». В первую очередь, отказался от своего мандата брюссельский депутат, лидер левого крыла Спаак. 14 апреля состоятся новые выборы, а пока вся энергия партии канализована в русло избирательной кампании...

Так «рабочий план», который по идее должен был стать источником нового динамизма в рабочем движении, на деле играет роль фактора, увековечивающего старые, традиционные формы его и отвлекающего его от новых, массовых форм политической борьбы, которые могли бы обеспечить ему победу, если — эта победа еще возможна. Ибо не надо забывать: поражения рабочего класса в основных странах ставят в крайне неблагоприятные условия борьбу его отрядов в странах второстепенных. Отступление перед экономической реакцией, подрывающей жизненные силы рабочего класса, истощает его физически, уклонение от массовой борьбы вносит в его душу элементы безверия, апатии и обреченности. И тут поистине роковую роль может сыграть химера «плана», будто бы способного мирным, конституционным, легальным и безболезненным путем дать ему в руки готовый плод, созревший при содействии «благонамеренных» людей, которые, однако, покуда что усердно поддерживают против рабочего класса самое реакционное, «предфашистское» правительство. Убаюкивая энергию рабочего класса и его волю к борьбе, эта химера не укрепляет, а ослабляет его позиции перед лицом грозящей фашистской опасности...

В. Ивлев.

ЛАТВИЯ.

Нам пишут:

Опять пошли массовые аресты. Политическая охрана переполнена заключенными. Арестованных бьют смертным боем, до потери сознания, до обмороков. Не щадят ни стариков, ни подростков.

В 3-4 еврейских школах за протест школьников против неимоверного количества уроков закона божьего, превышающих число уроков в латышских школах, были исключены все ученики старше 14-летнего возраста. Полицейские врываются в эти школы и избивали детей. Одного из избитых пришлось отправить в больницу.

Жене одного из заключенных на вопрос, почему ее мужа так долго держат, начальник политической охраны Фридрихсен ответил: «потому, что он жид».

Экономическое положение с каждым днем ухудшается. В виду отсутствия сырья фабрики значительно сократили работу. С двух-трех смен переходят на одну. Безработица растет. Некоторые фабрики работают всего 4-5 дней в неделю. Торги на лес проходят очень вяло. Экспорт леса обычно давал правительству 25-30 миллионов лат. В 1935 он даст максимум 10-12 миллионов. Официально признано, что бюджет 1934-35 года будет заключен с дефицитом в 10-12 миллионов лат. Торговый баланс крайне невыгоден для Латвии. За 9 месяцев его пассив составляет 11 миллионов лат. Принимаемая во внимание, что весь золотой и валютный запас составляет около 50 милл. лат, указанный пассив представляется весьма внушительным. Но, чем туже экономический кризис затягивает петлю на шее правительства, тем ожесточеннее и бесчеловечнее становится режим Ульманиса.

Передают о тяжелом заболевании т. Фр. Мендерса, председателя с.-д. партии.

Другой латвийский товарищ пишет:

В Латвии террор продолжается. Арестованные жестоко избиваются в подпольных (охранке): выпытывают так называемые признания. Один из избитых лишился зрения. Продолжаются массовые увольнения из городских и государственных учреждений. Особенно беспощадно расправляются с меньшинствами. Уволены все прогрессивные врачи из больничных касс. Готовятся к ограничениям для адвокатов. Круто расправляются и с учителями. Гнет хозяйственный тоже невыносим. Так как контингенты выдаются почти исключительно промышленникам-латышам, то часть фабрик вынуждена приостановить работу. Являются новые кадры безработных. Крестьянство, усыпляемое приплатами и привилегиями, все же недовольно неопределенностью положения и усиливающимся экономическим кризисом. Газеты всецело в тисках цензуры и все однообразно казенного содержания.

В полученном в последнюю минуту письме от 15 марта латвийские товарищи пишут:

Наиболее тяжело незнание всего, что происходит за пределами нашей страны, так как печать наша может сообщать лишь сведения, полученные из отделения пропаганды министерства внутренних дел, либо тщательно процenzурованные. Естественно, что мы жадно ловим всякую информацию из попадающих сюда иностранных газет и из радио, особенно советского. Теперь, когда международные связи порваны, особенно чувствуется, какое значение имела для нашего движения международная солидарность!

По последним данным в Либавском лагере в феврале все еще было около 50 товарищей. Выпущенные отданы под надзор политической полиции. Были, разумеется, случаи подачи прошений об освобождении в стиле, недостойном социалистов. Это приходится сказать, увы, и кое о ком из бывших ответственных товарищей, что было всячески использовано коммунистами и внесло немалое смущение и деморализацию и в среду самих «либавцев», и в некоторые круги рабочих. Но большинство товарищей — назовем хотя бы Мендерса, братьев Бушевиц, Рудевича, редактора «Социалдемократа» Озолиньша, ряд должностных лиц Союза Молодежи и Рабочей Охраны и т. д. — дают пример непоколебимой верности убеждениям и героической стойкости. Предполагается ликвидация лагеря, и тогда оставшиеся там товарищи попадут в еще более тяжелые условия, в тюрьмы, где и сейчас находится немало руководящих товарищей нового, нелегального движения. Молодое поколение, являющееся носителем этого движения, вообще сильно страдает от отсутствия опыта нелегальной работы и расплачивается тяжелыми жертвами. И все же в движении приливают новые силы из учащейся молодежи, хотя и тут дело без арестов не обходится. Так недавно было арестовано около 20 учеников и учениц государственной технической школы и 2 гимназистки (в числе арестованных дочери старых товарищей Венкална и Дзилля, сын Аберберга и др.). Учащиеся издают собственный нелегальный журнал.

Диктаторы наши занялись сейчас созданием профсоюзов по итальянскому образцу. Часть рабочих идет в эти союзы, надеясь получить через них работу. Издается специальный профсоюзный журнал «Дарбс», четыре вышедших номера которого заполнены объявлениями крупных предприятий, что достаточно ясно говорит о том, чьи интересы защищают новые профсоюзы. Орган проповедует соглашение между рабочими и хозяевами и высказывается против забастовок, так как де интересы рабочих защищает само правительство. Вообще фашисты лезут из кожи вон, чтобы доказать свое «рабочелюбие». Министр пропаганды Бэрзинш выступает на рабочих собраниях с демагогическими речами, выпивает с рабочими «ульмановку» (так окрестили водку!) и т. д.

ЭММА АДЛЕР

23 февраля скончалась в Цюрихе, в возрасте 77 лет, Эмма Адлер. Сестра известного социал-политика Гейнриха Брауна (мужа Лили Браун) и Адольфа Брауна, долгодетного редактора венской «Арbeiter-Цейтунг», а впоследствии виднейшего деятеля германской социалдемократии; долгодетная спутница жизни славного вождя австрийской социалдемократии, Виктора Адлера; мать Фридриха Адлера, нынешнего секретаря РСИ, — Эмма Адлер, однако, не только по своим семейным связям и по своему окружению принадлежала социалистическому рабочему движению. Она сама принимала в нем деятельное участие в качестве сотрудницы «Газеты работниц», в которой заведывала детским отделом, участницы культурно-просветительной работы партии, писательницы, из трудов которой наиболее известна книга о «Женщинах во французской революции». Последние годы своей жизни Эмма Адлер посвятила собиранью мемуаров и материалов для увековечения не только памяти, но и живого образа ее знаменитого супруга. Надо надеяться, что материалы эти, которые ей не суждено было издать самой, появятся в свет хотя бы после ее смерти.

Будучи женщиной выдающихся дарований, Эмма Адлер отличалась необычайной скромностью и никогда не стремилась играть внешне заметную роль. Скромностью отмечена и ее кончина. В оставленном ею завещании она высказала пожелание, чтобы похоронили ее тихо и без речей, в присутствии лишь ближайших родных, и чтобы извещение о ее смерти, текст которого она сама составила, было разослано лишь после похорон. Ее воля была свято исполнена, и 26 февраля тело ее было опущено в могилу на цюрихском кладбище. Лишь после этого было разослано извещение, текст которого гласит: «Вдова Виктора Адлера, Эмма Адлер, родившаяся 20 мая 1858, скончавшаяся 23 февраля 1935, согласно ее воле предана земле в полной тишине».

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Аресты коммунистических оппозиционеров и социалдемократов-меньшевиков.

Заграничную Делегацию РСДРП было в начале марта получено и тогда же передано для опубликования в органы иностранных социалистических партий следующее экстренное сообщение, помеченное 28 февраля:

По поступающим сведениям все время идут повсеместные аресты бывших оппозиционеров. Теперь аресты охватывают и наших товарищей, сколько можно судить по имеющимся данным, пока лишь недавно отбывших тюремное заключение и ссылку или еще пребывающих в ссылке. Пока из арестованных нам стали известны имена Ежова, Захаровой, Кучина, Либера и др. Аресты идут во всех городах Поволжья. По получении более подробных сведений немедленно сообщим.

От редакции. — Как известно, имена тт. Ежова и Захаровой стоят под тою «казанскою» телеграммою, которую наши товарищи из Советской России приветствовали заключение пакта единства действий во Франции. «Юманитэ» пыталась в то время противоставить этих товарищей всем другим меньшевикам и, в частности, Заграничной Делегации РСДРП, как подлинных революционеров и чуть не сторонников III-го Интернационала. Теперь, «Юманитэ», разумеется, считает лишним осведомить своих читателей об аресте этих революционеров, которых она приветствовала, и пояснить, что и их арест объясняется потребностью революции в «самозащите». Имена Георгия Дмитриевича Кучина и Михаила Исаковича Гольдмана-Либера достаточно известны не только русскому социалистическому миру, но и далеко за его пределами, чтобы надо было напоминать здесь их революционную биографию. Надо только отметить, что все названные товарищи, как и те, имена которых нам еще неизвестны, но которые, согласно напечатанному выше сообщению, недавно отбыли тюремное заключение или ссылку или еще пребывали в ней, именно по этой причине не имели и не могли иметь связи и сношений ни с нашей нелегальной организацией, ни с Заграничной Делегацией: ведь, именно поэтому и о «казанской» телеграмме наша ЗД и наши нелегальные организации в Советском Союзе узнали лишь из «Пошолэр» и «Юманитэ», редакция которых эта телеграмма была адресована и которые ее напечатали. Аресты производятся, следовательно, отнюдь не за «нелегальную работу», а исключительно за вредное, меньшевистское «направление».

Добавим, что обещанных более подробных сведений (идущих, очевидно, обычной организационной почтой) мы ко времени верстки этого номера еще не получили.

МОСКВА. — Под знаком политики. — «Особая бдительность». — Недоверие к реформам.

События последнего времени у нас насыщены глубоко политическим содержанием и очень волнуют нас, как, вероятно, впрочем и вас, оторванных от непосредственных впечатлений.

Мне пришлось недавно поехать по провинции, где я имел случай беседовать со многими вдумчивыми и наблюдательными людьми. Общее впечатление таково, что наметившиеся было кое-какие перемены и некоторый «либерализм» в корде подрезаны ленинградскими событиями. Винт режима снова завинчивается до отказа. Полоса террора не только прокатилась широкой волной по всему Союзу, но, после кровавой

„Мировой Большевик“ по-французски:

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS Introduction de Th. DAN

Éditions «Nouveaux Prométhée, Paris 1934.

176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т И:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIÉ, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

вспышки, неуклонно продолжается в новой, хоть и менее варварской, но не менее действительной форме мобилизации «особой бдительности». Достаточно неудачного слова в публичном выступлении или какого-либо малого пятнышка в прошлом на политическом облике человека, — как он уже обречен и исчезает со сцены. Развитие и углубление террора получает таким образом хронические и «законные» формы. Сходят со сцены старики. Одни умирают естественной смертью (Куйбышев), другие — политически. Им на смену приходят люди новые, с прошлым никак не связанные, не питающие ни малейшего уважения к личности старых борцов и совершенно неспособные учесть значение и ценность их борьбы в прошлом. Режим, осуществляемый сейчас, может оказаться поистине страшным с точки зрения будущего.

Узаконенное 7-м съездом изменение конституции с возложением «демократического» избирательного права встречено с понятным недоверием: как верить в обещанную демократию, когда ко всякому инакомыслящему применяются сейчас меры самого неприкрытого террора?

Хотелось бы еще много написать, но по техническим условиям это невозможно.

4 марта 1935.

P.

МОСКВА. — Пряник и плетка. — Уступки трудящимся и чистка партийного и советского аппаратов. — Проверка ударников. — Интерес к Европе. — Подготовка красгвардейцев.

Из моих бесед с осведомленными людьми надо сделать вывод, что сейчас в верхах решено одновременно проводить две кампании: усугубивость, даже заботливость в отношении трудящихся и твердый курс в отношении партийных и советских служащих. Для этого — пошли навстречу потребительским нуждам рабочих и разрешили открытую торговлю, крестьянам же дали льготы по усадьбе и скоту. Но не менее решительно проводится чистка аппарата. Со всех ответственных постов снимают всех сколько-нибудь подозрительных по оппозиции. Во всех советских учреждениях просто паника. Сейчас начальство сводит счеты с людьми когда-либо смеющимися ему возражать, а мелкие чиновники мстят им доносами. Оргбюро ЦК ВКП сейчас производит проверку не только районных и областных секретарей, но всех руководителей советских учреждений. Кое о каких сменах печатают в газетах, но о большинстве случаев печать не упоминает. Число снятых с постов надо считать тысячами.

Наиболее тихо сейчас в среде администрации промобъединений, трестов и заводов. Здесь преобладает тенденция — не снимать людей, а держать руководителей на их местах для приобретения опыта.

Некоторое волнение в рабочей среде вызвало решение произвести проверку квалификаций и права на звание ударника. Широко проводится так называемый технический экзамен, многих в связи с этим переводят в низшие разряды. Из числа ударников выбрасывают всех тех кто добившись звания ударника стал затем давать пониженные выработки. Вокруг ударничества сейчас идет борьба, особенно среди молодежи. С тех пор, как ударничество стало давать некоторые реальные преимущества «рабочая общественность» стала жаловаться на частые случаи злоупотреблений и несправ-

ведливости в этой области. Особенности нарекания вызывает так называемое «политическое ударничество», т. е. те случаи, когда в ударники записывают не за высокую выработку, а за проводимую на заводе «политическую работу». Объявит комсомолец, что «за ближайшие 3 месяца берется ликвидировать у себя в цехе «политическую безграмотность» или «обучить ленинизму» группу сочувствующих» и получает зачисление в ударники. «А его у станка редко и видишь!»

В связи со слухами об «едином фронте» и сообщениями о приезде в СССР то французских, то польских, то английских министров в рабочей среде очень увеличился интерес к тому, что происходит в Европе. Советским газетам не верят и часто в своей среде говорят: вот бы настоящую газетку почитать.

Среди красноармейцев сейчас идет усиленным темпом политическая работа. Доклады часто проникнуты ультра-патриотическим духом. Допускаются даже исторические справки об истонной храбрости и патриотизме русского солдата, приводятся примеры героической смерти за свое отечество и т. п. Во время занятий внушается враждебность к Германии, притом ораторы часто говорят о Германии вообще, а не только гитлеровской Германии. По отношению к Франции — дружеские симпатии, и красноармейцу внушается, что это его будущий союзник.

Такие же занятия проводятся и на военных курсах при Вузах.

14 марта 35 г.

А.

ИЗ ПАРТИИ

К ПОЕЗДКЕ ТОВА. АБРАМОВИЧА В АМЕРИКУ.

Главный редактор Нью-Йоркского «Форвертса», т. А. Каган посвящает в своей газете обширную статью тому лекторскому турне, которое совершает сейчас т. Абрамович по Америке по поручению «Арбейтер-Ринга».

Еще раз напоминая своим читателям, которые хорошо знают т. Абрамовича и как постоянного европейского корреспондента газеты, и как лектора, неоднократно уже посещавшего Америку, и о блестящей агитационной и организаторской деятельности нашего товарища «в лучшие юношеские годы Бунда», и о его ораторских и лекторских дарованиях, и о той личной симпатии и уважении, которыми он пользуется в социалистических кругах Европы и Америки, т. Каган вкратце обрисовывает его деятельность, как в Интернационале, так и в нашей партии, особенно — в качестве редактора «С. В.». Сказав несколько лестных слов по адресу нашего органа, в особенности как источника информации зарубежных читателей о советской жизни, т. Каган кончает свою статью призывом своих читателей к горячему содействию т. Абрамовичу как в его лекторско-пропагандистской работе, так и в тех сборах на поддержание «С. В.», которые составляют главную цель поездки нашего товарища.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Современные Записки, кн. 57.
 Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев), № 42.
 Вестник Украинской Громады у Франції, № 39.
 Пробуждение, № 54-55. Детройт.
 Руски Архив. XXX-XXXI. Београд.
 Paula Walltsch. Ein Held stirbt. Verlag d. deutsch.-s.-d. Arbeiterfatei in der Tschechoslow. Republik.
 M. Dasher. The Revolutionary Movement in Spain. New-York.
 Le Combat Marxiste, N° 17.
 Cahiers du bolchévisme, N° 5. 6.
 La Révolution prolétarienne, N° 193, 194.
 Der Kampf, N° 3, März 1935.
 Zukunft, N° 3, 1935. New-York.
 La Bataille Socialiste, N° 36.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 17/2, 25/2, 7/3, 11/3, 17/3.

Отослано: № 5 и № 33.

От редакции. — За недостатком места откладывается до следующего номера статья тов. Ю. Грин «Международная аграрная политика за годы кризиса».

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“ за 1934 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов. В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932 г., по цене 100 фр. за том

Через контору

„Социалистического Вестника“

можно приобрести

старые русские революционн. и социалистические

**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, выходявшие легально в гг. 1905—1907, 1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, выходявшие за-границей для пропаганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина, Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском, грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться:

„LE COURRIER SOCIALISTE“

141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)

На складе „Социалистического Вестника“ имеется в продаже по особо удешевленной цене основной труд по всем областям международной статистики на немецком языке (в семи томах с одним дополнительным томом):

WL. WOYTINSKY — „DIE WELT IN ZAHLEN“

I. DIE ERDE — DIE BEVÖLKERUNG — DER VOLKSREICHTUM. 236 Seiten mit 16 Tafeln.	V. HANDEL UND VERKEHR. 376 Seiten mit 14 Tafeln.
II. DIE ARBEIT. 376 Seiten mit 19 Tafeln.	VI. DIE ÖFFENTLICHEN FINANZEN. 280 S. mit 14 Tafeln.
III. DIE LANDWIRTSCHAFT. 320 Seiten mit 15 Tafeln.	VII. STAATLICHES UND KULTURELLES LEBEN. 396 Seiten mit 12 Tafeln.
IV. DAS GEWERBE. 375 Seiten mit 19 Tafeln.	ZEHN JAHRE NEUES DEUTSCHLAND. 208 Seiten.
- Цена всех 8 томов (некоторая часть в переплете) 150 фр. (вместо 1000 фр.). — Цена отдел. тома 25 фр. ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ЗАКАЗЧИКА